

**Заметки об одном случае невроза
навязчивости
(1909)**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком языке:

1909 *Jb. psychoanalyt. psychopath. Forsch.*, т. 1 (2), 357–421.

1913 *S. K. S. N.*, т. 3, 123–197. (1921, 2-е изд.)

1924 *G. S.*, т. 8, 267–351.

1932 *Vier Krankengeschichten*, 284–376.

1941 *G. W.*, т. 7, 379–463.

Эта история болезни, случай «Крысина», представляет собой наиболее содержательное и самое знаменитое опубликованное Фрейдом исследование больного неврозом навязчивости. Лечение началось 1 октября 1907 года. Эрнест Джонс рассказывает, что Фрейд не раз выступал перед Венским психоаналитическим объединением с сообщениями о продолжавшейся терапии (см. Jones, 1962a, т. 2, с. 60 и с. 312–318; см. также Federn, 1948), а на I-м Международном психоаналитическом конгрессе в Зальцбурге в апреле 1908 года прочел более чем четырехчасовой доклад. Однако тогда до завершения лечения было еще далеко, ибо, как нас информирует Фрейд (ниже, с. 57), оно продолжалось почти год. Летом 1909 года он подготовил этот случай для публикации, для чего ему понадобился один месяц; в начале июля он отдал рукопись в набор.

У Фрейда всю его жизнь существовала привычка: сразу после того, как работа оказывалась в печати, уничтожать весь материал, на котором основывалась публикация. Поэтому то, что сохранились его оригинальные записи, относящиеся примерно к первой трети лечения «Крысина», которые он делал каждый день после терапевтического сеанса, — странное и необъяснимое исключение. (Существенная часть этих записей впервые была опубликована в английском переводе в т. 10 «Стандартного издания» трудов Фрейда, Freud, 1955a. Немецкий оригинальный текст появился в дополнительном томе «Собрания сочинений».) Эти записи содержат немало дополнительных деталей, которых нет в опубликованном варианте, и в настоящем издании этот материал привлекался для редакторских комментариев всякий раз, когда он казался пригодным для прояснения отдельных неясностей.

Чтобы помочь читателю проследить за реконструкцией истории жизни, раскрывающейся в ходе лечения, мы попытаемся опи-

раясь на оригинальные записи, а также на опубликованное описание случая, хронологически упорядочить даты, которые в тексте не всегда согласуются.

Биографические сведения

- 1878 Год рождения пациента.
- 1881 (Возраст: 3 года) Гнев на отца.
- 1882 (4 года) Сцена с фрейлейн Петер. Смерть старшей сестры.
- 1883 (5 лет)
- 1884 (6 лет) Эрекции. Представление, что родители могут читать его мысли.
- 1885 (7 лет) Сцена с фрейлейн Линой. Выстрел в брата.
- 1886 (8 лет) Поступление в школу. Знакомится со своей «дамой» (девочкой).
- 1890 (12 лет) Влюбляется в маленькую девочку. Навязчивые мысли о смерти отца.
- 1892 (14 лет)
- 1893 (15 лет) Окончание религиозной фазы.
- 1894 (16 лет)
- 1895 (17 лет) Иногда занимается онанизмом
- 1898 (20 лет) Влюбляется в свою даму. Навязчивые мысли о смерти отца. Самоубийство старшей девушки, которую отверг пациент.
- 1899 (21 год) Операция дамы. Смерть отца. Начало занятия онанизмом.
- 1900 (22 года) Клятвенное заверение покончить с онанизмом. — (Дек.) Дама отвергает его ухаживания.
- 1901 (23 года) Заболевание бабушки его дамы. Возврат к онанизму.
- 1902 (24 года) (Май) Смерть тети и вспышка невроза навязчивости.
- 1903 (25 лет) План женитьбы. Обострение невроза навязчивости. Второй отказ дамы. Летние каникулы на курорте. Мысли о самоубийстве.
- 1904 (26 лет) Первый половой акт.
- 1906 (28 лет) Защитные формулы из начальных букв.
- 1907 (29 лет) (Авг.) Военные учения. — (Окт.) Начало анализа.

[ВВЕДЕНИЕ]

На последующих страницах содержится материал двоякого рода: во-первых, фрагментарные сообщения из истории болезни одного больного, страдавшего неврозом навязчивости; по его продолжительности, пагубным последствиям и субъективной оценке этот невроз можно было причислить к довольно тяжелым, и потребовалось около года, чтобы добиться полного восстановления личности и устранить ее торможения. Во-вторых, отдельные краткие сведения о генезе и более тонком психологическом механизме душевных процессов при неврозе навязчивости, приведенные в связи с этим и с учетом ранее проанализированных случаев; этими сведениями должны быть дополнены мои первые, опубликованные в 1896 году¹ описания.

Подобное изложение содержания, как мне кажется, само нуждается в обосновании, чтобы читатель, скажем, не подумал что такой способ сообщения я считаю безупречным и достойным подражания, тогда как на самом деле я лишь считаю с трудностями внешнего и содержательного характера и охотно сообщил бы больше, будь это позволительным и возможным. То есть я не могу предоставить полную историю лечения, поскольку это потребовало бы детального рассмотрения условий жизни моего пациента. Докучливое внимание большого города, которое уделяется моей врачебной деятельности, не допускает достоверного изложения; вместе с тем я все больше прихожу к мысли, что искажения, к которым обычно прибегают в таких случаях, нецелесообразны и неприемлемы. Если они незначительны, то своей цели — оградить пациента от нескромного любопытства — не достигают; если же они велики, то обходятся слишком большой ценой, поскольку нарушают понимание взаимосвязей, имеющих непосредственное отношение к малосущественным реалиям жизни. Из этого последнего обстоятельства вытекает тот парадоксальный факт, что гораздо проще предать огласке самые интимные тайны пациента, поскольку при этом он все

---

¹ «Еще несколько замечаний о защитных невропсихозах» (1896b). (II. «Сущность и механизм невроза навязчивости».)

же остается неузнанным, нежели самые безобидные и банальные характеристики его персоны, которые всем известны и по которым его все могли бы узнать¹.

Если этим я оправдываю нещадное сокращение истории болезни и лечения, то для ограничения отдельными результатами из психоаналитического исследования невроза навязчивости в моем распоряжении имеется еще более убедительное объяснение. Я признаюсь, что до сих пор мне еще не удавалось полностью понять сложную структуру *тяжелого* случая невроза навязчивости и что при воспроизведении анализа я не смог бы показать эту аналитически выявленную или предполагаемую структуру, присовокупляя примеры лечения других больных. Сопротивление больных и различные формы его выражения значительно затрудняют выполнение последней задачи; однако нужно сказать, что само по себе понимание невроза навязчивости отнюдь не просто, оно намного сложнее, чем понимание случая истерии. Собственно говоря, следовало ожидать противоположного. Средства, которыми невроз навязчивости выражает свои тайные мысли, язык невроза навязчивости похож на диалект языка истерии, но на диалект, вчувствование в который должно было бы быть для нас более простым, потому что он более близок выражению нашего сознательного мышления, чем истерический. Прежде всего он не содержит того скачка из психической сферы в соматическую иннервацию — истерическую конверсию, — который нам все же никогда не дано совершить с помощью своего понимания.

Возможно, также и наше недостаточное знакомство с неврозом навязчивости повинно в том, что действительность не подтверждает того ожидания. Больные неврозом навязчивости тяжелого калибра прибегают к аналитическому лечению гораздо реже, чем истерики. Также и в жизни они диссимулируют свое состояние, насколько это возможно, и зачастую обращаются к врачу только на запущенных стадиях недуга, которые, например, при туберкулезе легких исключали бы возможность помещения их в лечебницу. Однако я привлекаю это сравнение потому, что в простых и тяжелых, но своевременно распознанных случаях невроза навязчивости, точно так же, как при том хроническом инфекционном заболевании, мы можем указать на целый ряд блестящих результатов лечения.

---

¹ [В примечании, добавленном в 1924 году к истории болезни «Доры» (1905e, *Studienausgabe*, т. 6, с. 93), Фрейд категорически утверждает, что публикация данного случая подготовлена с согласия пациента.]

При таких обстоятельствах не остается ничего другого, как сообщить факты в столь незавершенной и неполной форме, в какой они нам известны и в какой нам позволено о них говорить. Возможно, представленные здесь с большим трудом полученные кусочки знания сами по себе покажутся малоудовлетворительными, но к ним может присоединиться работа других исследователей, и благодаря совместным усилиям будет получен результат, достичь которого одному человеку, наверное, слишком трудно.

ИЗ ИСТОРИИ БОЛЕЗНИ

Молодой человек с университетским образованием объявляется у меня и рассказывает, что с самого детства, но особенно сильно в последние четыре года страдает навязчивыми представлениями. Основным содержанием его недуга являются *опасения*, что с двумя людьми, которых он очень любит, с отцом и некой дамой, которую он почитает, может что-то случиться. Кроме того, он испытывает *навязчивые импульсы*, например, перерезать себе бритвой горло, и создает *запреты*, относящиеся также к безразличным для него вещам. На борьбу с этими своими идеями он потратил многие годы и поэтому не преуспел в жизни. Опробованные им способы лечения ничем ему не помогли, за исключением гидротерапии в лечебнице у ***, но и это, видимо, лишь потому, что он завел там знакомство, приведшее к регулярным половым сношениям. Здесь такой возможности он не имеет, совокупляется нерегулярно и редко. К проституткам он испытывает отвращение. В целом его сексуальная жизнь была скудной, онанизм — в шестнадцать или семнадцать лет — играл лишь незначительную роль. Потенция у него была нормальной; первый коитус — в 26 лет.

Он производит впечатление проницательного человека с ясным умом. На мой вопрос, что побудило его выдвинуть на передний план сведения о своей сексуальной жизни, он отвечает, что именно это он знает о моих теориях. Он ничего не читал из моих сочинений, но недавно, перелистывая одну мою книгу¹, наткнулся на объяснение необычных связей между словами, которые так напомнили ему о его собственной «умственной работе» со своими идеями, что он решил довериться мне.

А. Начало лечения

После того как на следующий день я обязал его выполнять единственное условие лечения — говорить все, что приходит в голову, даже если это ему *неприятно*, даже если это ему кажется *неважным*, *неуместным* или *бессмысленным*, и предложил ему выбрать тему,

---

¹ «Психопатология обыденной жизни» (1901b).

с которой он хочет приступить к своим сообщениям, он начинает следующим образом¹.

У него есть друг, которого он очень высоко ценит. Он всегда идет к нему, когда его мучает преступный импульс, и спрашивает, не презирает ли тот его как преступника. Друг поддерживает его, уверяя, что тот безупречный человек, который, видимо, с юных лет приучен смотреть на жизнь с таких позиций. Такое же влияние когда-то раньше на него оказывал другой человек, 19-летний студент, когда самому ему было четырнадцать или пятнадцать лет. Этот студент испытывал к нему симпатию и чрезвычайно повысил у него чувство собственной значимости, из-за чего мой пациент стал казаться себе чуть ли не гением. Позднее этот студент стал его домашним учителем, но затем вдруг изменил свое поведение, низведя его до простофили. В конце концов ему стало понятно, что тот интересовался одной из его сестер и связался с ним лишь для того, чтобы иметь доступ в дом. Это было первым большим потрясением в его жизни.

Затем он как бы невзначай продолжает.

Б. Инфантильная сексуальность

«Моя сексуальная жизнь началась очень рано. Я помню одну сцену, когда мне было четыре или пять лет (с шести лет я вообще все помню), которая через несколько лет отчетливо всплыла в моей памяти. У нас была очень красивая юная гувернантка, которую звали фрейлейн Петер². Однажды вечером она лежала на софе в легком

---

¹ Отредактировано по записи, сделанной вечером в тот же вечер после лечебного сеанса, с как можно большей опорой на запомнившиеся слова пациента. — Я могу только предостеречь от того, чтобы само время лечения использовать для фиксации услышанного. Отвлечение внимания врача приносит больному вред, который нельзя возместить пользой от точного воспроизведения истории болезни.

² Бывший аналитик доктор Альфред Адлер однажды в приватном докладе упомянул об особом значении, которое придается *самым ранним* сообщениям пациентов. Вот доказательство этого. Вступительные слова пациента подчеркивают влияние, которое оказывают на него мужчины, роль гомосексуального выбора объекта в его жизни, и сразу после этого слышится второй мотив, который окажется важным позднее, — конфликт и противоположность интересов у мужчины и женщины. Также и то, что первую красивую гувернантку он помнит по ее фамилии, случайно совпадающей с мужским именем, следует включить в эту взаимосвязь. В мешанских кругах Вены гувернантку чаще принято называть по имени, и именно оно скорее сохраняется в памяти. [В первоначальной форме в 1909 году эта сноска начиналась словами: «Мой коллега, доктор Альфред Адлер...» Нынешняя редакция восходит к 1913 году.]

одеянии и читала; я лежал рядом и попросил разрешить мне залезть ей под юбку. Она мне это позволила с условием, что я никому об этом не расскажу. На ней почти ничего не было, и я ощупал ее гениталии и живот, показавшийся мне забавным. С того времени у меня осталось жгучее, мучительное желание видеть женское тело. Я все еще помню, с каким напряжением я ожидал в купальне, куда мне пока еще позволялось ходить вместе с фрейлейн и сестрами, когда фрейлейн раздетой войдет в воду. С шести лет я помню больше. Тогда у нас была другая фрейлейн, тоже юная и красивая. У нее на ягодицах были прыщи, которые она обычно по вечерам выдавливала. Я подкарауливал этот момент, чтобы удовлетворить свое любопытство. Точно так же в купальне, хотя фрейлейн Лина была более скромной, чем ее предшественница. (В ответ на промежуточный вопрос: «Я редко спал в ее комнате, чаще всего — с родителями».) Я помню одну сцену, когда мне было семь лет¹. Однажды вечером мы сидели все вместе: фрейлейн, кухарка, еще одна девушка, я и мой брат, который младше меня на полтора года. Неожиданно я услышал из разговора девушек, как фрейлейн Лина сказала: «С малышом это уже можно делать, но Пауль (я) слишком неловок, он, конечно же, поедет рядом». Я не понял точно, что имелось в виду, но почувствовал к себе пренебрежение и начал плакать. Лина утешила меня и рассказала, как девушка, которая сделала нечто подобное с мальчиком, вверенным ее попечению, на несколько месяцев заключили в тюрьму. Я не думаю, что она делала со мной что-то нехорошее, но я позволял себе по отношению к ней многие вольности. Когда я забирался в ее постель, то сбрасывал с нее одеяло и прикасался к ней, что она терпеливо сносила. Она была не очень образованной и, видимо, весьма озабоченной сексуально. В 23 года у нее уже был ребенок, за отца которого она вышла замуж позднее, так что сегодня ее зовут госпожа жена надворного советника. Я по-прежнему часто вижу ее на улице».

«Уже с шести лет я страдал от эрекций и знаю, что однажды пришел к маме, чтобы на это пожаловаться. Я также знаю, что должен был при этом преодолевать сомнения, ибо подозревал взаимосвязь с моими представлениями и моим любопытством, и на протяжении какого-то времени имел болезненную идею, что *родители знают о моих мыслях, которую я объяснял себе тем, что я высказывал их, сам того не слыша*. Я усматриваю в этом начало моей болезни.

---

¹ В дальнейшем он допускает вероятность того, что эта сцена произошла на один или на два года позже.

Были люди, девочки, которые мне очень нравились и которых мне необычайно хотелось увидеть голыми. Но всякий раз, когда возникало это желание, я испытывал *зловещее чувство, что, если я буду об этом думать, что-то непременно случится, и поэтому мне приходится делать разные вещи, чтобы это предотвратить.*

(В качестве образца таких опасений в ответ на мой вопрос он указывает: «*К примеру, умрет мой отец.*») «Мысли о смерти отца долгое время занимали меня с самого раннего возраста и очень меня угнетали».

По этому поводу я с удивлением узнаю, что отец пациента, с которым связаны его нынешние навязчивые опасения [см. с. 38], умер еще несколько лет назад.

То, что пациент рассказывает на первом сеансе лечения о событиях, происходивших с ним в 6—7-летнем возрасте, является не только, как он думает, началом болезни, но уже и самой болезнью, полновесным неврозом навязчивости, где налицо все существенные элементы, и вместе с тем ядром и прототипом последующего недуга, так сказать, простейшим организмом, изучение которого уже позволяет нам понять условия сложной организации нынешнего заболевания. Мы видим, что ребенок находится во власти одного из компонентов сексуального влечения, удовольствия от разглядывания, результат которого — все снова и снова с большой интенсивностью проявляющееся желание видеть обнаженными лиц женского пола, которые ему нравятся. Это желание соответствует последующей навязчивой идее; если оно пока не имеет навязчивого характера, то это объясняется тем, что «я» еще не противопоставило себя ему полностью, не ощущает его как чужое; однако где-то уже зарождается протест против этого желания, ибо его проявление регулярно сопровождается мучительным аффектом¹. Очевидно, конфликт имел место в душевной жизни юного сладострастника; рядом с навязчивым желанием находится навязчивое опасение, тесно связанное с желанием: как только он думает о чем-то подобном, он вынужден опасаться, что случится нечто ужасное. Это ужасное уже облачается в характерную неопределенность, которая впредь присутствует во всех проявлениях невроза. Но у ребенка нетрудно выявить, что скрывается за подобной неопределенностью. Если удастся найти пример какой-либо общей особенности невроза навязчивос-

---

¹ Следует напомнить о том, что предпринимались попытки объяснить навязчивые представления без учета аффектов!

ти, то можно не сомневаться, что этот пример и есть то первоначальное и подлинное, которое должно было скрываться за обобщением. Таким образом, навязчивое опасение, восстановленное в своем значении, гласило: «Если мне будет хотеться увидеть обнаженную женщину, то мой отец умрет». Неприятный аффект имеет явный оттенок жуткого, суеверного и уже дает толчок импульсам что-либо сделать, чтобы предотвратить беду, которые проявятся в последующих *защитных мерах*.

Итак: эротическое влечение и протест против него, желание (еще не ставшее навязчивым) и противодействующее ему (уже ставшее навязчивым) опасение, мучительный аффект и стремление к защитным действиям; инвентарный список невроза полон. Более того, имеется еще и нечто другое, своего рода *делириозное*¹ или *бредовое образование* необычного содержания: родители знали его мысли, поскольку он их высказывал, сам того не слыша. Едва ли мы ошибемся, увидев в этой детской попытке объяснения предчувствие тех удивительных душевных процессов, которые мы называем бессознательными и без которых мы не можем обойтись при научном прояснении непонятого положения вещей. «Я высказываю свои мысли, их не слыша» звучит как проекция вовне нашего собственного предположения, что у него есть мысли, о которых он ничего не знает, подобно эндопсихическому восприятию вытесненного.

Итак, мы четко видим: этот элементарный инфантильный невроз уже имеет свою проблему и свою кажущуюся абсурдность, как и любой сложный невроз взрослого человека. Что должно означать, что отец умрет, если у ребенка возникнет сладострастное желание? Является ли это полной бессмыслицей или существуют способы понять эту фразу, осмыслить ее как неизбежный результат прежних событий и предпосылок?

Если мы применим выводы, полученные где-нибудь в другом месте, к этому случаю детского невроза, то мы должны будем предположить, что также и здесь, то есть до шести лет, имели место травматические переживания, конфликты и вытеснения, которые сами подверглись амнезии, но в качестве осадка оставили после себя данное содержание навязчивого опасения. В дальнейшем мы узнаем, насколько для нас возможно вновь отыскать или с некоторой уверенностью сконструировать эти забытые переживания. Между тем в качестве совпадения, которое, вероятно, не может быть безраз-

---

¹ [Здесь и в других местах в этой работе понятие «делирий» употребляется в особом смысле, который разъясняется на с. 84.]

личным, мы хотим еще подчеркнуть, что детская амнезия пациента пришла к своему концу в шесть лет [см. с. 39].

Подобное начало хронического невроза навязчивости в раннем детстве, сопровождающегося сладострастными желаниями, к которым присоединяются зловещие ожидания и склонность к защитным действиям, мне знакомо из многочисленных других случаев. Такое начало типично, хотя, вероятно, оно и не является единственно возможным. Прежде чем мы перейдем к содержанию второго сеанса, еще несколько слов о ранних сексуальных переживаниях пациента. Едва ли можно воспротивиться тому, чтобы охарактеризовать их как необычайно обильные и чреватые последствиями. Но так же обстоит дело и в других случаях невроза навязчивости, которые мне удалось проанализировать. Характерное свойство преждевременной сексуальной активности здесь, в отличие от истерии, постоянно присутствует. Невроз навязчивости гораздо отчетливее, чем истерия, позволяет установить, что факторы, формирующие психоневроз, следует искать не в актуальной, а в инфантильной сексуальной жизни. Нынешняя сексуальная активность больного неврозом навязчивости стороннему наблюдателю может показаться совершенно нормальной; зачастую она обнаруживает намного меньше патогенных моментов и ненормальностей, чем у нашего пациента.

В. Великое навязчивое опасение

«Я думаю начать сегодня с переживания, которое стало для меня непосредственным поводом для того, чтобы к вам обратиться. Дело было в августе во время военных учений в ***. До этого я себя плохо чувствовал и мучил себя всякими навязчивыми мыслями, которые, однако, во время учений вскоре отступили на задний план. Мне хотелось показать кадровым офицерам, что я не только чему-то научился, но и кое-что могу выдержать. Однажды мы выступили в короткий поход из ***. На привале я потерял свое пенсне и, хотя я мог бы легко его найти, я все же не хотел задерживать выступление и от него отказался, но телеграфировал моему оптику в Вену, чтобы он срочно прислал мне замену. На том же привале я присел между двумя офицерами, один из которых, капитан с чешским именем, был для меня значимым человеком. Я даже несколько его побаивался, *ибо он явно получал удовольствие от жестокости*. Я не хочу утверждать, что он был плохим человеком, но за офицерским обедом он постоянно выступал за введение телесных наказаний, из-за чего мне

пришлось ему решительно возразить. И так, на этом привале между нами завязалась беседа, и капитан сказал, что прочел о совершенно ужасном наказании, применявшемся на Востоке...»

Тут он прерывается, встает с места и просит меня его избавить от описания деталей. Я заверил его, что и сам не склонен к жестокости, безусловно, не хочу его мучить, но, разумеется, не могу подарить ему то, на что не имею права. С таким же успехом он мог бы меня попросить подарить ему две кометы. Преодоление сопротивления — это требование лечения, с которым мы не можем не считаться. (О понятии «сопротивление» я рассказал в начале этого сеанса, когда он сказал, что должен многое в себе преодолеть, чтобы сообщить о своем переживании.) Я продолжил: «Но что я мог бы сделать, чтобы догадаться о том, на что вы намекнули. Быть может, вы имеете в виду сажание на кол?» — «Нет, неверно: преступника связывали (он выражался настолько невразумительно, что я не смог сразу догадаться, в какой позе), его ягодицы накрывали горшком, а затем в него запускали *крыс*, которые... — он опять встал, выказывая все признаки ужаса и сопротивления, — *пробуравливались*». «В задний проход», — посмел я дополнить.

Во всех более важных местах рассказа можно было заметить, что его лицо принимало весьма необычное смешанное выражение, которое я могу истолковать только как *ужас от своего собственного неизвестного ему удовольствия*. Он с превеликим трудом продолжает: «В этот момент меня озаряет *представление, что это происходит с неким дорогим мне человеком*»¹. На прямой вопрос он сообщает, что не он сам осуществляет это наказание, а что оно осуществляется обезличенно. После непродолжительного угадывания я узнаю, что человеком, к которому относилось то «представление», была уважаемая им дама.

Он прерывает свой рассказ, чтобы убедить меня в том, сколь чужды и неприятны ему эти мысли и с какой необычайной стремительностью пронесится в его голове все, что с ними связывается. Одновременно с мыслью всегда тут как тут «санкция», то есть защитная мера, которой он должен следовать, чтобы не осуществить такую фантазию. Когда капитан говорил о том чудовишном наказании и у него возникали те мысли, ему еще удавалось защититься от них *обеих* с помощью своих привычных формул, с помощью «но»,

---

¹ Он говорит «представление»; более сильное и важное обозначение — «желание» или «опасение». — очевидно скрыто цензурой. Свообразную неопределенность всех его речей, к сожалению, я воспроизвести не могу.

сопровождавшимся пренебрежительным движением рукой, и с помощью фразы «Что это тебе приходит в голову?» [Ср. с. 85.]

Употребление множественного числа меня озадачило, как, должно быть, остается непонятным и для читателя. Ведь до сих пор мы слышали лишь об одной идее — о наказании крысами, которому подвергается дама. Теперь он вынужден признать, что одновременно у него возникала и другая мысль — наказание касается и его отца. Поскольку его отец давно умер, это навязчивое опасение было еще намного бессмысленнее, чем первое, и еще какое-то время пыталось скрываться.

Следующим вечером тот же капитан вручил ему пришедшую по почте посылку и сказал: «Обер-лейтенант А.¹ оплатил за тебя почтовое отправление. Ты должен ему вернуть деньги». В посылке находилось заказанное по телеграфу пенсне. И в этот момент у него оформилась «санкция»: *если не вернуть деньги*, то это случится (то есть фантазия о крысах осуществится в отношении отца и дамы). И тут же для предотвращения этой санкции по известному ему типу возникло приказание, похожее на присягу: «*Ты должен вернуть обер-лейтенанту А. 3,80 кроны*», которое он произнес чуть ли не вполголоса.

Через два дня военные учения подошли к концу. Все это время он пытался вернуть обер-лейтенанту А. небольшую сумму, чему препятствовали все новые сложности на первый взгляд *объективной* природы. Сначала он пытался уплатить деньги через другого офицера, который пошел на почту, но когда тот вернул ему деньги, объяснив, что не застал обер-лейтенанта А. на почте, очень обрадовался, ибо этот способ исполнения клятвы его не удовлетворял, поскольку не соответствовал ее дословному тексту: «*Ты должен возратить деньги обер-лейтенанту А.*» Наконец он встретил нужного ему обер-лейтенанта А., который, однако, отказался принять деньги, заявив, что ничего за него не платил и что вообще почту получает не он, а обер-лейтенант Б. Он был очень расстроен из-за того, что не может сдержать свою клятву, потому что ее предпосылка была ошибочна, и придумал весьма необычный выход из положения: он пойдет с обоими господами на почту, там А. даст почтовой служащей 3,80 кроны, она отдаст их Б., а он затем в соответствии с дословным текстом клятвы вернет А. 3,80 кроны.

Я не удивлюсь, если в этом месте читатель утратит свою способность к пониманию, ибо даже подробное описание внешних собы-

---

¹ Имена здесь особого значения не имеют.

тий этих дней и своих реакций на них, которое дал мне пациент, страдало внутренними противоречиями и выглядело ужасно запутанным. Только после того как он рассказал эту историю в третий раз, мне удалось донести до него эти неясности и обнаружить ошибки памяти и смещения, которые он совершал. Я избавляю себя от воспроизведения этих деталей, самое основное из которых мы сможем вскоре наверстать, и только замечу, что в конце этого второго сеанса он вел себя так, словно был не в себе и спутан. Он неоднократно называл меня «господин капитан», вероятно, потому, что в начале сеанса я ему сказал, что сам я не такой жестокий, как капитан М., и не имею намерения его понапрасну мучить.

Во время этого сеанса я получил от него только еще одно разъяснение: с самого начала всякий раз, когда у него возникало беспокойство, что с дорогими ему людьми что-то случится, он переносил это наказание не только в настоящее, но и в вечность, в потусторонний мир. До 14 или до 15 лет он был очень набожным, но с тех пор прошел путь развития до своего нынешнего вольномыслия. Он улаживал противоречие, говоря себе: «Что ты знаешь о жизни в потустороннем мире? Что знают о ней другие? Ведь о ней ничего не известно, ты ничем не рискуешь, а потому делай это». Это умозаключение столь пронизательный в остальных отношениях человек считает безупречным и использует ненадежность разума в данном вопросе в пользу преодоленного религиозного мировоззрения.

На третьем сеансе он заканчивает весьма характерную историю своих попыток исполнить навязчивую клятву. Вечером состоялось последнее собрание офицеров перед завершением военных учений. Ему выпало произнести тост от «господ из запаса». Он говорил хорошо, но словно сомнамбула, ибо на заднем плане его беспрестанно мучила мысль о своей клятве. Он провел ужасную ночь; аргументы и контраргументы боролись между собой; главный аргумент, разумеется, состоял в том, что предпосылка, на которой основывалась его клятва: обер-лейтенант А. заплатил за него деньги, — была неверной. Но он утешал себя тем, что еще не все потеряно, поскольку А. проедет верхом вместе с ним часть пути до железнодорожной станции П.¹, так что у него еще будет время попросить его об одолжении². Он этого не сделал, позволил А. отъехать, но дал своему

¹ [Из оригинальных записей Фрейда (1955a) вытекает, что речь шла о городе Пршемысль.]

² [Возможно, этот абзац читателю будет проще понять, если он обратится к схеме на с. 77.]

денщику поручение оповестить его о своем визите после полудня. Сам он добрался до станции в 9.30 утра, отдал свой багаж, сделал в небольшом городке всякого рода покупки и намеревался затем нанести визит А. Деревня, в которой располагался А., находилась примерно в часе езды от города П. Поездка по железной дороге к месту [Ц.], где находилась почтовое отделение, заняла бы три часа; стало быть, думал он, после выполнения своего сложного плана еще можно было бы попасть в Вену отходящим из П. вечерним поездом. Мысли, которые боролись между собой, с одной стороны, гласили: он просто боится, явно хочет избавить себя от неудобства попросить у А. об этой услуге и предстать перед ним дураком и поэтому отказывается от своей клятвы; с другой стороны: наоборот будет трусостью, если он исполнит клятву, поскольку он хочет этим лишь добиться того, чтобы навязчивые представления оставили его в покое. Когда в ходе размышления аргументы уравнивали друг друга, он обычно позволял распоряжаться собой случайным событиям, словно Божьим решениям. Поэтому, когда носильщик на станции его спросил: «Вы на десятичасовой поезд, господин лейтенант?», он сказал: «Да», отъехал в 10 часов и, таким образом, создал *fait accompli*¹, принесший ему огромное облегчение. У проводника вагона-ресторана он получил талон на право пользования *table d'hôte*². На первой станции ему вдруг пришла в голову мысль, что он еще может выйти, дожидаясь обратного поезда, поехать на нем в П., оттуда в местечко, где находился обер-лейтенант А., затем вместе с ним предпринять трехчасовую поездку по железной дороге на почту и т. д. И только мысль о заказе, который он сделал официанту, удержала его от осуществления этого замысла; но он не отказался от него, а решил высадиться на следующей остановке. Так он пропускал станцию за станцией, пока не доехал до места, где выйти из поезда он считал невозможным, поскольку там у него были родственники, и решил ехать в Вену, там разыскать своего друга, рассказать ему о своей проблеме и после его решения ночным поездом вернуться в П. В ответ на мое сомнение, действительно ли все сходилось, он заверил меня, что между прибытием одного поезда и отправлением другого у него было бы полчаса свободного времени. Однако прибыв в Вену, он не застал своего друга в гостинице, где ожидал его встретить, только в 11 часов вечера попал в квартиру своего друга и еще ночью рассказал ему о своей проблеме. Друг всплес-

¹ [Совершившийся факт (фр.). — *Примечание переводчика.*]

² [Общий стол, табльдот (фр.). — *Примечание переводчика.*]

нул руками от удивления, что тот может еще сомневаться, не было ли это навязчивым представлением, успокоил его на эту ночь, благодаря чему тот хорошо выспался, а утром пошел с ним на почту, чтобы отправить 3,80 кроны на адрес почтового отделения [Ц.], куда поступила посылка с пенсне.

Последнее сообщение послужило мне отправной точкой, чтобы распутать искажения в его рассказе. Если он, образумленный другом, отправил небольшую сумму не обер-лейтенанту А. и не обер-лейтенанту Б., а прямо на почту, то он обязан был знать и еще при своем отъезде знал, что за посылку наложенным платежом оставался должным *только почтовой служащей*. Оказалось, что он действительно это знал еще до напоминания капитана и до своей клятвы, ибо теперь он вспомнил, что за несколько часов до встречи с жестоким капитаном был представлен другому капитану, который сообщил ему, как все было на самом деле. Услышав его имя, этот офицер ему сказал, что недавно был на почте, и *почтовая служащая* его спросила, не знает ли он лейтенанта Л. (то есть нашего пациента), которому пришла посылка наложенным платежом. Офицер ответил, что такого не знает, но девушка сказала, что доверяет неизвестному лейтенанту и внесет взнос сама. Так наш пациент стал обладать заказанным им пенсне. Жестокий капитан ошибся, когда, вручая ему посылку, попросил вернуть 3,80 кроны А. Наш пациент должен был знать, что это ошибка. Тем не менее он дал основанную на этой ошибке клятву, которая принесла ему столько мучений. При этом он скрыл от себя и при рассказе также и от меня эпизод с другим капитаном и существование доверчивой почтовой служащей. Признаюсь, что после этого уточнения его поведение становится еще более бессмысленным и непонятным, чем прежде.

После того как он покинул своего друга и вернулся в семью, его снова стали одолевать сомнения. Аргументы его друга ничем не отличались от его собственных, и он не заблуждался на счет того, что временное успокоение нужно было объяснить личным влиянием его друга. Решение посетить врача следующим искусным способом было вплетено в делирий. Он получит от врача справку о том, что действие, которое он задумал осуществить с обер-лейтенантом А., необходимо ему для выздоровления, и эта справка, несомненно, заставит того принять от него 3,80 кроны. Случай, что именно тогда ему в руки попала одна моя книга, обратил его выбор на меня. Но со мной об этой справке речь не зашла, он весьма разумно попросил лишь о том, чтобы избавить его от навязчивых представлений. Спустя много месяцев на пике сопротивления однажды снова появи-

лось искушение отправиться в П., разыскать обер-лейтенанта А. и вместе с ним исполнить комедию возвращения денег.

Г. Ознакомление с принципами лечения

Не ожидайте вскоре услышать, какие я привел доводы для разъяснения этих странных и бессмысленных навязчивых представлений (о крысах); правильная психоаналитическая техника велит врачу подавить свое любопытство и предоставить пациенту свободно распоряжаться очередностью тем в работе. Поэтому на четвертом сеансе я встретил пациента вопросом: «Как вы теперь продолжите?»

«Я решил рассказать вам о том, что я считаю очень важным и что меня с самого начала мучает». Он очень подробно рассказывает мне историю болезни своего отца, который девять лет назад умер от эмфиземы. Однажды вечером, полагая, что его состояние критическое, он спросил врача, когда можно будет считать, что опасность миновала. Ответ гласил: «Послезавтра вечером». Ему не приходило в голову, что отец мог не дожить до этого срока. В полдвенадцатого ночи он на один час прилег, а когда в час ночи проснулся, узнал от приятеля, врача по профессии, что отец умер. Он упрекал себя за то, что не присутствовал при смерти отца, и эти упреки усилились, когда сиделка сообщила, что отец в последние дни однажды назвал его имя, а когда она к нему подошла, спросил: «Вы Пауль?» Ему казалось, что мать и сестры склонны точно так же себя упрекать, но они об этом не говорили. Тем не менее этот упрек вначале не был мучительным; долгое время он не сознавал факт его смерти; снова и снова с ним случалось так, что, когда он слышал хорошую остроту, он себе говорил: «Надо рассказать это отцу». Также и его фантазия была занята отцом, поэтому часто, когда раздавался стук в дверь, он думал: «Сейчас войдет отец», а когда входил в комнату, ожидал застать в ней отца, и хотя он никогда не забывал про факт его смерти, ожидание такого явления призрака ничуть его не пугало, — наоборот, для него это было чем-то очень желанным. И только через полтора года пробудилось воспоминание о своем упущении, которое начало его беспрестанно мучить, и поэтому он стал относиться к себе как к преступнику. Поводом послужила смерть его неродной тети и его визит в наполненный скорбью дом. С тех пор он распространил свою систему мыслей на потусторонний мир. Ближайшим следствием этого пароксизма явилась серьезная потеря трудоспособно-

сти¹. Поскольку он рассказывает, что его поддерживали тогда только утешения друга, который всегда отметал эти упреки как непомерно преувеличенные, я пользуюсь этим поводом, чтобы впервые ознакомить его с предпосылками психоаналитической терапии. Если имеется мезальянс между содержанием представления и аффектом, то есть между величиной упрека и поводом для него, то дилетант сказал бы, что аффект чрезмерен для повода, то есть преувеличен, стало быть, выведенное из упрека заключение, что пациент — преступник, является ложным. Врач, напротив, скажет: «Нет, аффект оправдан, сознание вины нельзя дальше критиковать, но оно относится к другому содержанию, которое неизвестно (*бессознательно*) и которое сначала требуется отыскать. Известное содержание представления попало сюда лишь благодаря ошибочному соединению. Но мы не привыкли ощущать в себе сильные аффекты без содержания представления, а потому при отсутствии содержания в качестве суррогата принимаем какое-нибудь подходящее другое, как, скажем, наша полиция, которая, если не может поймать настоящего убийцу, арестовывает вместо него кого-нибудь невиновного. Фактом ошибочного соединения объясняется также бессилие логической работы в борьбе с мучительным представлением». В заключение я признаюсь, что из этого нового понимания прежде всего возникают непростые загадки, ибо как он должен обосновать свой упрек, что по отношению к отцу он преступник, если все-таки знает, что в сущности никогда чего-либо преступного против него не совершал.

Затем на следующем сеансе он проявляет большой интерес к моим объяснениям, но позволяет себе выразить некоторое сомнение: «Разве может иметь целебное действие сообщение о том, что упрек, сознание вины обоснованы?» — «Нет, действует не это сообщение, а нахождение неизвестного содержания, к которому относится упрек». — «Да, именно с этим я и связываю свой вопрос». — Я вкратце объясняю мои сведения о психологических *различиях между бессознательным и сознательным*, об изнашивании, которому подвергается все сознательное, тогда как бессознательное остается относительно неизменным, указав на выставленные в моей комна-

---

¹ Понимание этого воздействия появляется позднее из более детального описания повода. Овдовевший дядя сокрушаясь воскликнул: «Другие мужчины позволяют себе все на свете, а я жил только для этой женщины!» Наш пациент воспринял это так, что дядя намекает на отца и подозревает его в супружеской неверности, и хотя дядя самым решительным образом оспаривал подобное истолкование его слов, устранить их воздействие уже было нельзя.

те антикварные вещи. «Это, собственно говоря, лишь погребения; то, что они оказались засыпанными, как раз их и сохранило. Помпею разрушили только теперь, после того как ее обнаружили». — «Есть ли гарантия того, — задает он следующий вопрос, — как человек отнесется к найденному?» Один, как он думает, поведет себя так, что, наверное, преодолеет упрек, а другой — не преодолеет. — «Нет, в самой природе вещей заложено то, что аффект в любом случае преодолевается, чаще всего уже во время работы. Помпею-то то как раз пытаются спасти, а от таких мучительных мыслей хотят избавиться». — Он считает, что упрек может возникнуть лишь при нарушении собственных нравственных законов, но не внешних. (Я подтверждаю: кто просто нарушает внешний закон, тот нередко чувствует себя даже героем.) Стало быть, такой процесс возможен только при *распаде личности*, который имелся с самого начала. Обретет ли он снова целостность личности? В этом случае он отважится многое совершить, возможно, больше, чем другие. — В ответ я сказал, что полностью согласен с ним по поводу расщепления личности; ему только нужно соединить это новое противопоставление между нравственным человеком и порочным с прежним противопоставлением — между сознательным и бессознательным. Нравственный человек — это сознательное, порочное — бессознательное¹. Он может вспомнить, что он, хотя и считает себя нравственным человеком, в своем *детстве*, совершенно определенно, делал вещи, которые исходили от другого человека. — Я думаю, что он между делом раскрыл основную характеристику бессознательного — его связь с *инфантильным*. Бессознательное и есть инфантильное, а именно та часть личности, которая в свое время от нее отделилась, не участвовала в дальнейшем развитии и поэтому была *вытеснена*. Потомки этого вытесненного бессознательного являются элементами, поддерживающими произвольное мышление, в котором и состоит его недуг. Теперь он может открыть еще одну характеристику бессознательного; я охотно готов это ему уступить. — Ничего другого он непосредственно не находит, но зато высказывает сомнения, можно ли устранить так долго существующие изменения. Что, в частности, можно сделать с его идеей о потустороннем мире, которую все же не удастся опровергнуть логически? — Я не оспариваю тяжесть его заболевания и значение его построений, но его возраст очень благоприятен, благоприятно и то, что его личность сохранна,

---

¹ Хотя все это верно лишь в самых общих чертах, на первых порах для ознакомления этого достаточно.

при этом я высказываю о нем уважительное суждение, которое его явно радует.

Следующий сеанс он начинает словами, что должен поведать о неких фактических событиях из своего детства. С семи лет, как он уже говорил [с. 40], он боялся, что родители догадываются о его мыслях, и, в сущности, этот страх сохранялся у него всю последующую жизнь. В двенадцать лет он полюбил маленькую девочку, сестру своего друга (в ответ на мой вопрос: не чувственно, он не хотел видеть ее обнаженной, она была слишком маленькой), которая, однако, не была с ним столь нежной, как ему бы того хотелось. И тут ему пришла мысль, что она будет с ним ласковой, если его постигнет несчастье; в качестве такового невольно возникла мысль о смерти отца. Он тут же энергично отверг эту идею, он и сейчас защищается от возможности того, что мог таким образом выразить некое «желание». Это была разве что «мыслительная связь»¹. — Я возражаю: «Если это не было желанием, отчего такое сопротивление?» — «Только из-за содержания представления, что отец может умереть». Я: он произносит эти слова так, словно они оскорбляют величество; при этом, как известно, того кто скажет: «Император — осел», точно так же накажут и в том случае, если он облачит эту предосудительную мысль в слова: «Если кто-нибудь скажет... то он будет иметь дело со мной». Для содержания представления, которое он так отвергал, я мог бы сразу найти взаимосвязь, которая исключила бы это сопротивление; к примеру: «Если мой отец умрет, я убью себя на его могиле». — Он потрясен, но не отказывается от своего возражения, поэтому я прерываю спор замечанием, что идея о смерти отца все же возникла здесь не впервые; очевидно, она происходит из более раннего времени, и когда-нибудь мы должны будем проследить ее возникновение. — Далее он рассказывает, что во второй раз точно такая же мысль, словно молния, промелькнула у него за полгода до смерти отца. Он уже был влюблен в ту даму², но из-за материальных трудностей не мог помышлять о соединении с ней. И тут появилась мысль: «Когда отец умрет, он, пожалуй, настолько разбогатеет, что сможет жениться». В своей защите он зашел тогда так далеко, что пожелал, чтобы отец вообще ничего не оставил и тем самым не было выгоды, которая компенсировала бы

¹ Такими словесными послаблениями удовлетворится не только больной неврозом навязчивости.

² Десять лет назад!

эту ужасную для него потерю. В третий раз та же самая мысль, но очень смягченная, у него появилась за день до смерти отца. Он подумал: «Сейчас я могу потерять самого любимого для меня человека», и тут же возникло возражение: «Нет, есть еще один человек, утрата которого была бы для тебя еще болезненней»¹. Он очень удивлен этим мыслям, поскольку совершенно уверен, что смерть отца никогда не могла быть предметом его желания, она была только предметом его опасений. — После этих слов, произнесенных со всей убедительностью, я считаю целесообразным изложить ему новую частицу теории. Теория утверждает, что такая тревога соответствует прежнему, ныне вытесненному *желанию*, а потому следует предположить нечто прямо противоположное его заверению. Это также согласуется с требованием рассматривать бессознательное как контрадикторную противоположность сознательного. Он очень взволновал, очень недоверчив и удивляется, как у него могло возникнуть это желание, ведь отец был для него самым любимым человеком на свете. Не подлежит сомнению, что он отказался бы от любого личного счастья, если бы этим мог спасти жизнь отца. Я отвечаю, что именно такая сильная любовь является условием вытесненной ненависти. В отношении безразличных ему людей он наверняка легко может находить мотивы для умеренной симпатии и такой же антипатии, если, скажем, является служащим и рассуждает о своем начальнике, что тот приятный руководитель, но придиричивый юрист и бесчеловечный судья. Ведь то же самое говорит Брут о Цезаре у Шекспира ([«Юлий Цезарь»] III, 2): «Цезарь любил меня, и я его оплакиваю; он был удачлив, и я радовался этому; за доблести я чтил его; но он был властолюбив, и я убил его»². И эти слова уже кажутся необычными, потому что мы сильнее представили себе чувства Брута к Цезарю. Если бы речь шла о человеке, который ему более близок, скажем, о его жене, он стремился бы иметь целостное ощущение и поэтому, как это присуще всем людям, пренебрегал бы ее недостатками, способными вызвать у него неприязнь, не замечал бы их, словно слепой. Стало быть, именно большая любовь не допускает, чтобы ненависть (если карикатурно ее так обозначить), которая, пожалуй, должна иметь некий источник, оставалась сознательной. Проблема, однако, заключается в том, откуда происходит эта ненависть; его высказывания указывали на период времени,

¹ Здесь явно дает о себе знать противопоставление двух любимых людей, отца и «дамы».

² [Перевод М. Зенкевича.]

когда он боялся, что родители догадываются о его мыслях. С другой стороны, можно было бы также спросить, почему большая любовь не смогла погасить ненависть, как это обычно бывает при столкновении противоположных импульсов. Можно только предположить, что ненависть связана с неким источником, неким поводом, что и делает ее несокрушимой. Стало быть, с одной стороны, такая взаимосвязь защищает ненависть к отцу от разрушения, с другой стороны, большая любовь препятствует ее сознанию, поэтому ей ничего не остается, как существовать в бессознательном, откуда в отдельные моменты она все-таки может на мгновение протискиваться вперед.

Он признает, что все это звучит вполне убедительно, но, разумеется, он несколько не убежден¹. Ему хочется задать один вопрос: как получается, что такая идея может делать паузы, в двенадцать лет появляется на какой-то момент, затем в двадцать лет снова, а через два года опять, чтобы с тех пор закрепиться. Он все же не может поверить, чтобы враждебность тем временем исчезала, и вместе с тем в этих паузах не было ничего от упреков. Я в ответ: «Когда кто-нибудь задает вопрос таким образом, у него уже готов и ответ. Ему нужно лишь дать договорить». Он продолжает, внешне несколько отклоняясь от темы: он был лучшим другом отцу, а отец — ему; за исключением нескольких областей, в которых отец и сын обычно друг друга избегают (что он имеет в виду?), между ними была большая близость, чем теперь у него со своим лучшим другом. Ту дама, ради которой он пренебрег в мыслях отцом, он хотя и любил, но, собственно говоря, по отношению к ней у него никогда не возбуждались чувственные желания, которыми было наполнено его детство; и вообще в детстве его чувственные побуждения были намного сильнее, чем в пубертатном возрасте. — Я полагаю, что теперь он дал ответ, которого мы ждали, и одновременно обнаружил третью важную особенность бессознательного [ср. с. 52]. Источник, из которого враждебность к отцу черпает свою несокрушимость, очевидно, имеет природу *чувственных вожделений*, при этом он воспринимал отца в некотором смысле как *помеху*. Такой конфликт между чувственностью и детской любовью совершенно типичен. Паузы

---

¹ Цель подобных дискуссий никогда не заключается в том, чтобы убедить. Они только должны ввести вытесненные комплексы в сознание, завязать спор по их поводу на почве сознательной душевной деятельности и облегчить появление нового материала из бессознательного. Убеждение возникает только после переработки большим заново полученного материала, и покуда оно является шатким, материал нельзя расценивать как исчерпанный.

возникали у него потому, что вследствие преждевременного взрыва его чувственности затем произошло их значительное ослабление. Лишь после того как у него снова возникли интенсивные чувства влюбленности, в аналогичных ситуациях у него опять появлялась эта враждебность. Впрочем, я заручаюсь его подтверждением, что не я вывел его на сексуальную и на инфантильную тему. — Он самостоятельно пришел к ним обеим. — Дальше он спрашивает, почему в период влюбленности в даму он не вынес решения, что помеха этой любви со стороны отца не должна влиять на его любовь к нему. Я ответил: «Вряд ли можно кого-то убить *in absentia*¹. Чтобы сделать возможным такое решение, оспариваемое желание должно было бы возникнуть тогда у него впервые; но это было *давно вытесненное* желание, по отношению к которому он не мог вести себя иначе, чем прежде, и которое поэтому избегало уничтожения. Желание (устранить отца как помеху), видимо, возникло в те времена, когда обстоятельства были совершенно иными; скажем, тогда он любил отца не сильнее, чем человека, к которому испытывал чувственное вожделение, или он не был способен принять четкое решение, то есть в очень раннем детстве, до шести лет, и оно сохранилось таковым на все времена. — На этой конструкции объяснение временно заканчивается. [Ср. с. 71.]

На следующем, седьмом, сеансе он продолжает эту же тему. Он не может поверить, что имел такое желание в отношении отца. Он вспоминает новеллу Зудерманна [«Брат и сестра»], произведшую на него глубокое впечатление, в которой женщина, сидящая возле постели больной сестры, желает ей смерти, чтобы выйти замуж за ее мужа. Затем она себя убивает, потому что после такой низости не заслуживает того, чтобы жить. Он это понимает, и ему будет подделом, если он погибнет от своих мыслей, ибо ничего другого он не заслуживает². Я замечаю: нам хорошо известно, что большим их недуг доставляет некоторое удовлетворение, а потому все они, в сущности, отчасти противятся выздоровлению. Ему нельзя упускать из виду, что лечение, подобное нашему, происходит при *постоянном сопротивлении*; я снова и снова буду ему об этом напоминать.

¹ [В отсутствие (лат.). — *Примечание переводчика.*]

² Это сознание своей виновности самым явным образом противоречит его первоначальному «Нет, я никогда не желал отцу ничего дурного». Часто встречающимся типом реакции на вытесненное, которое стало известным, является то, что за первым отрицающим «нет» тотчас следует вначале косвенное подтверждение.

Он хочет теперь рассказать о преступном поступке, в котором себе не признается, но которое совершенно определенно помнит. Он цитирует слова Ницше: «*“Я это сделал”, — говорит моя память. “Ты не мог этого сделать”, — говорит моя гордость и остается непреклонной. В конце концов память уступает*»¹. «Тут, стало быть, моя память не уступила». — «Именно потому, что в наказание себя вы извлекаете удовольствие из своих упреков». — «С моим младшим братом — сейчас я действительно к нему хорошо отношусь, хотя он доставляет мне большое беспокойство, собираясь заключить брак, который я считаю нелепостью; у меня даже уже была идея поехать туда и убить эту персону, чтобы он не мог на ней жениться, — так вот, с братом в детстве я часто дрался. Вместе с тем мы очень любили друг друга и были неразлучны, но мною владела ревность, ибо он был сильнее и красивее, а потому любимее». — «Да, вы уже рассказывали о такой сцене ревности с фрейлейн Линой» [с. 40]. — «Итак, после одного такого повода — мне точно не было тогда восьми лет, ибо я еще не учился в школе, в которую стал ходить с восьми — я сделал следующее. У нас были игрушечные ружья определенной конструкции; я зарядил свое шомполом, сказал ему, что, если он будет смотреть в ствол, то что-то увидит, и пока он смотрел, я спустил курок. Его ударило в лоб, и с ним ничего не случилось, но моим желанием было сделать ему очень больно. После этого я был совершенно не в себе, бросился на пол и себя спрашивал: “Как я только мог такое сделать?” — Но я это сделал». Я воспользовался поводом, чтобы настоять на своем. Если он сохранил воспоминание о столь чуждом для себя поступке, то он не может отрицать возможность того, что в еще более раннем возрасте произошло нечто подобное, связанное с его отцом, о чем он сегодня уже не помнит. — Он знает о других импульсах мстительности в отношении той дамы, которую он так почитает и чей характер он описывает с таким восхищением. Наверное, ей нелегко полюбить, она хранит всю себя для того, кому однажды будет принадлежать; его она не любит. Когда он убедился в этом, у него сформировалась сознательная фантазия о том, как он разбогатеет, женится на другой, а потом нанесет ей визит вместе с дамой, чтобы сделать ей больно. Но тут фантазия ему отказала, ибо ему пришлось признаться себе, что к другой женщине, жене, он совершенно равнодушен, его мысли спутались и в конце ему стало ясно, что эта другая женщина должна умереть. Также и в этой фантазии, как в диверсии против брата, он видит проявление *ма.юдушия*,

¹ «По ту сторону добра и зла», IV, 68.

которое его так ужасает¹. — В дальнейшей нашей беседе я выставлю как довод, что он по логике вещей должен объявить себя совершенно не ответственным за все эти черты характера, ибо все эти предосудительные побуждения происходили из детской жизни, соответствуют производным детского характера, продолжающим жить в бессознательном, а он все-таки знает, что нравственная ответственность не может относиться к ребенку. Из суммы задатков ребенка нравственный человек появляется только в процессе развития². Но он выражает сомнение, что все его дурные побуждения имеют это происхождение. Я обещаю ему это доказать в ходе лечения.

Он добавляет, что после смерти отца болезнь чрезвычайно усилилась, и я признаю его правоту, поскольку считаю печаль из-за смерти отца главным источником интенсивности болезни. Печаль словно нашла патологическое выражение в болезни. Если обычная печаль длится от одного до двух лет, то патологическая, как у него, в своей продолжительности не ограничена.

Вот и все, что я могу подробно и последовательно сообщить об истории болезни. Это примерно совпадает с изложением продолжающегося более одиннадцати месяцев лечения.

Д. Некоторые навязчивые представления и их перевод

Как известно, навязчивые представления кажутся либо немотивированными, либо бессмысленными, в точности как содержание наших ночных сновидений, и первоочередная задача, которую они ставят, сводится к тому, чтобы выявить их смысл и опору в душевной жизни человека и тем самым сделать их понятными, более того, само собой разумеющимися. Выполняя эту задачу перевода, никогда нельзя дать себя смутить ее кажущейся неразрешимостью; самые несуразные и странные навязчивые идеи можно разгадать при надлежащем углубленном исследовании. Но ее удастся решить, если навязчивые идеи ввести во временную взаимосвязь с переживанием

---

¹ Что в дальнейшем должно найти свое объяснение [см. с. 72].

² Я привожу эти аргументы лишь для того, чтобы снова еще раз удостовериться, насколько они бессильны. Я недоумеваю, когда другие психотерапевты сообщают, что они успешно борются с неврозами с помощью такого оружия.

пациента, то есть если исследовать, когда отдельная навязчивая идея появилась впервые и при каких внешних обстоятельствах она обычно повторяется. В случае навязчивых идей, которые, как это часто бывает, не закрепились надолго, соответственно упрощается и задача по их разрешению. Можно без труда убедиться, что после выявления взаимосвязи между навязчивой идеей и переживанием большого становится легкодоступным для нашего понимания все остальное загадочное и достойное изучения в патологическом образовании, его значение, механизм его возникновения, его происхождение из крайне важных психических сил влечения.

Я начну с одного особенно прозрачного примера столь часто встречавшегося у нашего пациента *импульса к самоубийству*, который в ходе изложения анализируется чуть ли не сам собой. Из-за отсутствия своей дамы, которая уехала ухаживать за своей тяжелобольной бабушкой, пациент на несколько недель погрузился в учебу. И тут в разгар самой усердной учебы ему пришла в голову мысль: «С распоряжением сдать экзамены в первый возможный срок в семестре еще можно смириться. Но как быть, если тебе прикажут перерезать себе горло бритвой?» Он тут же почувствовал, что это распоряжение уже отдано, поспешил к шкафу, чтобы взять бритву, и вдруг его осенило: «Нет, все не так просто, ты должен¹ поехать туда и убить старуху». Тут он упал на пол от ужаса.

Связь этой навязчивой идеи с жизнью содержится здесь в самом начале рассказа. Его дама отсутствовала, в то время как он напряженно готовился к экзамену, чтобы иметь возможность скорее с нею соединиться. И тут во время учебы его охватила тоска по отсутствующей и мысль о причине ее отсутствия. Затем возникло нечто, что у нормального человека было бы импульсом недовольства по отношению к бабушке: «И надо было старухе заболеть именно сейчас, когда я так ужасно по *ней* тоскую!» Нечто подобное, но в гораздо более интенсивное, нужно предположить и в отношении нашего пациента — бессознательный приступ ярости, который одновременно с тоской мог бы облачиться в возглас: «О! Мне хочется поехать туда и убить старуху, укравшую у меня мою любимую!» За этим следует распоряжение: «Убей самого себя в наказание за такие злые и кровожадные желания!», — и весь процесс, сопровождаемый сильнейшим аффектом, в *обратной последовательности* попадает в сознание большого неврозом навязчивости: сначала требование наказания, в конце — упоминание о наказуемом желании. Не думаю,

---

¹ Я здесь добавляю: «Сперва».

что эта попытка объяснения может показаться натянутой или что она содержит много гипотетических элементов.

Другой, более стойкий импульс, так сказать, к косвенному самоубийству объяснить было не так просто, поскольку его отношение к переживанию могло скрываться за одной из внешних ассоциаций, которые нашему сознанию кажутся предосудительными. Однажды, когда он отдыхал летом за городом, у него вдруг возникла идея, что он слишком толстый [dick] и ему надобно *похудеть*. Тогда он начал вставать из-за стола еще до подачи десерта, под палящими лучами августовского солнца без шляпы неся по улице, а затем беглым шагом взбирался в горы, пока, наконец, взмокнув от пота, не останавливался в изнеможении. За этой манией похудения однажды также открыто проявилось суицидальное намерение, когда на краю крутого обрыва для него раздалось требование прыгнуть вниз, что означало бы верную смерть. Понять это бессмысленное навязчивое действие нашему пациенту удалось только после того, как его неожиданно осенило, что в то время за городом отдыхала также и возлюбленная дама, но в сопровождении английского кузена, который за ней увивался и к которому он очень ревновал. Кузена звали Ричардом, и, как это повсеместно принято в Англии, его называли *Дик*. Этого Дика ему хотелось убить, он испытывал к нему гораздо большую ревность и ярость, чем мог себе в этом признать. и поэтому наложил на себя наказание в виде мучений, доставляемых тем лечением от тучности. Как бы внешне ни отличался этот навязчивый импульс от прежнего прямого повеления к самоубийству, их объединяет одна важная черта — их возникновение как реакция на сильнейшую, не подвластную сознанию ярость по отношению к человеку, который выступает помехой любви¹.

Другие навязчивые представления, опять-таки ориентированные на возлюбленную, все же позволяют распознать другой механизм и другое происхождение от влечения. Во время пребывания его дамы в его загородном доме помимо той мании похудения он продуцировал целый ряд навязчивых действий, которые по меньшей мере отчасти непосредственно относились к ее персоне. Од-

---

¹ Использование имен и слов для создания связи между бессознательными мыслями (побуждениями, фантазиями) и симптомами при неврозе навязчивости случается далеко не так часто и бесцеремонно, как при истерии. Однако как раз в связи с именем Ричард мне вспоминается пример из давно проведенного анализа другого больного. После ссоры со своим братом он начал размышлять, как ему избавиться от своего богатства, ему не хочется больше иметь никаких дел с деньгами и т. д. Его брата звали Ришар (*richard* по-французски: *богач*).

нажды, когда он с ней катался на корабле и подул сильный ветер, он заставил ее надеть свой берет, поскольку у него возникло повеление: *с ней ничего не должно случиться*¹. Это была своего рода *навязчивая защита*, которая имела и другие проявления. В другой раз, когда они попали в грозу, он испытал принуждение, не находя ему никакого объяснения, в промежутке между молнией и громом *считать* до сорока или до пятидесяти. В день ее отъезда он споткнулся о лежащий на дороге камень, и он *должен был* убрать его на обочину, потому что у него возникла идея, что через несколько часов ее карета поедет по той же дороге и, наехав на этот камень, может получить повреждения. Но через несколько минут его осенило, что это — бессмыслица, и теперь он *должен был* вернуться и положить камень на его прежнее место посередине дороги. После ее отъезда им овладело *навязчивое понимание*, которое сделало его невыносимым для всех окружающих. Ему требовалось точно понимать каждое обращенное к нему слово, как будто в противном случае он упустит огромное богатство. Поэтому он постоянно спрашивал: «Что ты сказал?» А когда это ему повторяли, он полагал, что в первый раз это все же звучало иначе, и оставался неудовлетворенным.

Все эти продукты болезни связаны с происшествием, которое тогда определяло его отношение к возлюбленной. Когда перед летом он прощался с ней Вене, он истолковал некоторые ее слова как желание отвергнуть его в присутствии общества и из-за этого был очень расстроен. Во время летнего отдыха у них была возможность поговорить, и дама смогла его убедить, что теми неверно им понятыми словами она, напротив, хотела уберечь его от насмешек. Теперь он опять был счастливым. Самое отчетливое указание на это происшествие содержит навязчивое стремление понять, которое было образовано так, словно он сам себе говорил: «После такого опыта нельзя допускать, чтобы ты кого-нибудь недопонял, если хочешь избежать ненужных страданий». Но это решение не только было обобщением данного повода, оно также сместилось — возможно из-за отсутствия возлюбленной — с ее высоко ценимой персоны на других менее значимых лиц. Навязчивость не могла также возникнуть исключительно из удовлетворения полученным от нее объяснением; она, должно быть, выражает еще и нечто другое, ибо выливается в неудовлетворительное воспроизведение услышанного.

---

¹ Добавим: в чем он мог быть повинен.

Другие навязчивые повеления наводят на след этого другого элемента. Навязчивая защита не может означать ничего иного, кроме реакции — раскаяния и покаяния — на противоположное, то есть враждебное, побуждение, которое до объяснения между ними было направлено против возлюбленной. Навязчивый счет во время грозы благодаря предоставленному материалу можно истолковать как защитную меру от опасений, которые означали угрозу для жизни. Благодаря анализам навязчивых представлений, упомянутых первыми, мы уже подготовлены к тому, чтобы расценить враждебные побуждения нашего пациента как особенно сильные, сродни бессмысленной ярости, и в таком случае мы обнаруживаем, что этот гнев на даму вносит свой вклад в навязчивые образования также и после примирения. В сомнениях, правильно ли он услышал, представлено продолжающее действовать сомнение, правильно ли он понял даму на этот раз и вправде ли он понимать ее слова как свидетельство ее нежных чувств. Сомнение навязчивого стремления к пониманию — это сомнение в ее любви. У нашего влюбленного бушует борьба между любовью и ненавистью, которые относятся к одному и тому же человеку, и эта борьба наглядно изображается в навязчивом, символически важном действии — устранении камня с дороги, по которой она должна проехать, а затем отмене этого поступка, продиктованного любовью, возвращении камня на место, чтобы тем самым ее карета ударилась о него, а она пострадала. Мы не поймем правильно эту вторую часть навязчивого действия, если будем рассматривать ее лишь как критический отказ от болезненного поступка, за который ей хочется себя выдать. То, что она также осуществляется, сопровождаясь ощущением принуждения, свидетельствует о том, что она сама является частью болезненного поступка, который, однако, обуславливается мотивом, противоположным мотиву первой части.

Такие двувременные навязчивые действия, где первый темп устраняется вторым, — типичный случай при неврозе навязчивости. Сознательное мышление больного, разумеется, их не понимает, и они снабжаются вторичной мотивировкой — *рационализируются*¹. Но их действительное значение заключается в изображении конфликта между двумя примерно одинаковыми по силе противоположными побуждениями, насколько я до сих пор смог узнать, — всегда между побуждениями любви и ненависти.

---

¹ Ср. Jones (1908).

Они представляют особый теоретический интерес, поскольку позволяют выявить новый тип симптомообразования. Вместо того чтобы, как при истерии, искать компромисс, который в одном изображении удовлетворяет обеим противоположностям, одним выстрелом убивает двух зайцев¹, здесь удовлетворяются обе противоположности, каждая в отдельности, сначала одна, а затем другая, разумеется, не без попытки установить между ними, враждебными друг другу, своего рода логическую связь, зачастую с нарушением всякой логики².

Конфликт между любовью и ненавистью дает о себе знать у нашего пациента также с помощью других проявлений. В период его вновь пробудившейся набожности [см. с. 46] он начал читать молитвы, которые постепенно стали занимать до полутора часов, поскольку у него — Валаама наоборот³ — в благочестивые формулы всегда что-то вмешивалось и превращало их в противоположность. Например, если он говорил: «*Боже, храни его*», — злой дух тут же добавлял частицу «*не*»⁴. Однажды при этом ему пришла в голову мысль сквернословить, ибо тогда непременно он будет говорить наперекор; в этой мысли пробило себе путь первоначальное, вытесненное молитвой намерение. Из этого тупика он нашел выход, оставив молитву и заменив ее краткой формулой, составленной из начальных букв или начальных слогов из разных молитв. Он так быстро ее проговаривал, что в нее ничего не могло проникнуть. [Ср. с. 85–86.]

Однажды он рассказал мне сон, содержащий изображение этого же конфликта в переносе на врача: моя мать умерла, он хочет выра-

¹ Ср. «Истерические фантазии и их отношение к бисексуальности» (Freud, 1908a) [*Studienausgabe*, т. 6, с. 193–194].

² Другой больной неврозом навязчивости однажды мне рассказал, что в Шёнбрунском парке наткнулся ногой на лежащую на дороге ветку, которую он выбросил за изгородь, ограничивающую дорогу. На обратном пути его вдруг охватило беспокойство, что в новом положении торчащая ветка может стать причиной травмы кого-то, кто будет проходить мимо этого места. Ему пришлось выпрыгнуть из трамвая, поспешить обратно в парк, отыскать это место и вернуть ветку в прежнее положение, хотя любому другому, кроме больного, было бы очевидным, что прежнее положение все же опаснее для пешехода, чем новое в кустах. Второе враждебное действие, осуществившееся как принуждение, перед сознательным мышлением приукрасило себя мотивировкой первого, доброжелательного.

³ [Валаам явился проклясть, а остался благословить.]

⁴ Ср. аналогичный механизм известных кощунственных мыслей у набожных людей.

зять соболезнавание, но опасается, что при этом разразится *нахальным смехом*, как это уже не раз бывало в случаях смерти. Поэтому он предпочитает написать мне открытку с *p. c.*, но при написании эти буквы у него превращаются в *p. f.*¹

Спор между его чувствами к своей даме был слишком явным, чтобы было можно полностью избежать его сознательного восприятия, хотя из навязчивых проявлений больного мы вправе заключить, что верной оценкой глубины своих негативных побуждений он не обладал. На первое его сватовство десять лет назад дама ответила отказом. С тех пор периоды, когда, как ему казалось, он ее сильно любил, сменялись другими, в которых он чувствовал себя к ней равнодушным. Если в ходе лечения ему требовалось сделать шаг, который приблизил бы его к цели ухаживаний, то обычно в форме убеждения в том, что, в сущности, не настолько сильно он ее любит, сперва проявлялось его сопротивление, которое, правда, вскоре преодолевалось. Однажды, когда она слегла от тяжелой болезни, что вызвало у него чрезвычайное сочувствие, при виде ее у него прорвалось желание: «Пусть она навсегда останется лежать». Он истолковал себе эту мысль с помощью хитроумного недопонимания: он желает ей постоянного нездоровья лишь потому, что тем самым он избавится от страха перед повторными приступами болезни, выносить который он не может!² Иногда он занимал свою фантазию грезами, которые сам признал «фантазиями о мести» и которых стыдился.

Полагая, что она придает большое значение социальному положению жениха, он фантазировал, будто она вышла замуж за государственного служащего. Он сам поступает на эту же службу и добивается гораздо большего, чем тот, который становится его подчиненным. Однажды этот человек совершает неблагоприятный поступок. Дама бросается к ногам пациента и умоляет его спасти ее мужа. Он обещает помочь, признается ей, что поступил на службу лишь из любви к ней, потому что предвидел подобное обстоятельство. Теперь, выручив ее мужа, он выполнил свою миссию и отказывается от должности.

¹ [Принятые сокращения для *pour condoler* — *соболезную* и *pour féliciter* — *поздравляю*.] Этот сон даст разъяснение так часто встречающегося и считающимся загадочным навязчивого смеха в случаях траура.

² Нельзя отвергать вклад другого мотива в эту навязчивую мысль — желания, чтобы она была беззащитной перед его намерениями.

В других фантазиях, содержанием которых было то, что он оказывает даме большие услуги, а она не знает, что это делает именно он, он видел только проявление нежности, не сознавая происхождения и тенденции своего великодушия, предназначенного — по прототипу графа Монте-Кристо Дюма — для вытеснения мстительности. Впрочем, он признался, что иногда им овладевают совершенно отчетливые импульсы причинить зло почитаемой им даме. Как правило, эти импульсы в ее присутствии исчезали и возникали в ее отсутствие.

Е. Повод к болезни

Однажды наш пациент вскользь упомянул об одном событии, в котором мне тут же пришлось признать повод к заболеванию, во всяком случае новый повод к начавшейся шесть лет назад и продолжающейся еще и сегодня болезни. Сам он не подозревал, что сообщил нечто важное; он не помнил, чтобы придавал какое-либо значение этому событию, которое, впрочем, он никогда и не забывал. Такое поведение требует теоретической оценки.

При истерии существует правило, что недавние поводы к заболеванию подвергаются амнезии точно так же, как детские переживания, с помощью которых та их аффективная энергия преобразуется в симптомы. Если же полное забывание невозможно, недавний травматический повод все же подтачивается амнезией и лишается по меньшей мере самых важных своих составных частей. В такой амнезии мы усматриваем доказательство произошедшего вытеснения. Иначе обстоит дело при неврозе навязчивости. Инфантильные предпосылки невроза могут подвергнуться — зачастую только неполной — амнезии; недавние поводы к заболеванию, напротив, сохраняются в памяти. Вытеснение здесь воспользовалось другим, в сущности более простым механизмом; вместо того чтобы забыть травматическую ситуацию, оно лишило ее аффективного катексиса, и поэтому в сознании остается безразличное содержание представления, расцениваемое как несущественное. Различие состоит в психическом событии, которое мы можем сконструировать, исходя из феноменов; результат процесса почти одинаков, ибо безразличное содержание воспоминания воспроизводится лишь изредка и никакой роли в мыслительной деятельности человека не

играет. Для различения двух видов вытеснения¹ вначале мы можем использовать только заверение пациента, что, по его ощущениям, одно он знал всегда, а другое давно забыл².

Поэтому отнюдь не редкость, что больные неврозом навязчивости, страдающие от самообвинений и связывающие свои аффекты с ложными поводами, сообщают врачу верные сведения, не подозревая, что их упреки всего лишь отделены от этих событий. При этом они порой высказываются с удивлением или даже как будто хвастаясь: «Для меня это значения не имеет». Так было и в первом случае невроза навязчивости, который много лет назад меня привел к пониманию недуга. Пациент, государственный служащий, страдавший от бесконечных сомнений, тот самый, о чьем навязчивом действии с веткой в Шёнбрунском парке я сообщал [с. 62, прим. 3], обратил мое внимание тем, что за визит на прием всегда вручал мне чистые и гладкие бумажные гульдены. (В то время у нас в Австрии еще не было серебряных монет.) Когда я однажды заметил, что государственного служащего можно сразу определить по новехоньким гульденам, которые он берет из казны, он меня вразумил, что гульдены отнюдь не новые, просто разглажены (отутюжены) у него дома. Ему совестно давать кому-либо в руки грязные бумажные гульдены; ведь к ним пристали самые опасные бактерии, которые могут причинить вред тому, кто их получает. К тому времени у меня уже забрезжило смутное подозрение о взаимосвязи неврозов с сексуальной жизнью, и поэтому в другой раз я отважился спросить пациента, как у него обстояли дела в этом вопросе. «О, все в порядке, — сказал он походя, — в этом я не испытываю недостатка. Во многих

¹ [В работе «Торможение, симптом и тревога» (1926d, глава XI A (e). *Studienausgabe*, т. 6, с. 300 и далее) Фрейд предлагает термин «вытеснение» для обозначения главного механизма, действующий при истерии; одновременно он снова вводит термин «защита», который должен охватить все меры, используемые для преодоления психического конфликта. Соответственно, если бы этот текст был написан позднее, в нем говорилось бы не о «двух видах вытеснения», а о «двух видах защиты».]

² Стало быть, нужно признать, что для невроза навязчивости имеется двойного рода знание, и с тем же правом можно утверждать, что больной неврозом навязчивости «знает» о своих травмах, равно как и не «знает» о них. Он знает о них, поскольку их не забыл, он их не знает, поскольку не осознает их значения. Нередко точно так же обстоит дело и в нормальной жизни. Офицанты, которые обычно обслуживали Шопенгауэра в своем кафе для завсегдатаев, в определенном смысле «знали» его в то время, когда он не был известен во Франкфурте и за его пределами, но не в том смысле, который мы сегодня связываем со словом «знание» о Шопенгауэре.

домах добропорядочных бургеров я играю роль любимого старого дядюшки и время от времени пользуюсь этим, чтобы пригласить какую-нибудь молоденькую девушку на загородную прогулку. Затем я устраиваю так, что мы опаздываем на поезд, и нам приходится ночевать в деревне. Тогда я всегда беру две комнаты — я очень щедр; но когда девушка ложится спать, я прихожу к ней и мастурбирую ее своими пальцами». — «А вы не боитесь, что навредите ей, орудуя своей грязной рукой в ее гениталиях?» — Тут он вспылил: «Вред? Чем же это должно ей навредить? Ни одной пока еще это не навредило и каждой это нравилось. Некоторые из них сейчас уже замужем, и это им не навредило». — Он воспринял мое возражение очень враждебно и больше не появился. Но я мог объяснить себе контраст между его деликатностью с бумажными гულденами и его бесцеремонностью в обращении с доверенными ему девушками только *смещением* аффекта, связанного с упреком. Тенденция этого смещения довольно ясна; если бы упрек оставался там, к чему он относился, пациент должен был бы отказаться от сексуального удовлетворения, к которому его, вероятно, побуждали сильнейшие инфантильные детерминанты. Стало быть, благодаря смещению он извлекал значительную *выгоду от болезни*¹.

На поводе к болезни у нашего пациента я должен, однако, остановиться подробнее. Его мать в качестве дальней родственницы воспитывалась в одной богатой семье, которая владела крупным промышленным предприятием. Его отец после женитьбы был принят на работу на это предприятие и, таким образом, в результате удачного выбора по существу обеспечил себе зажиточную жизнь. Благодаря подтруниванию между родителями, жившими в прекрасном браке, сын узнал, что какое-то время до знакомства с его матерью отец ухаживал за милой, но бедной девушкой из скромной семьи. Такова предыстория. После смерти отца мать однажды сказала сыну, что между нею и ее богатыми родственниками зашла речь о его будущем, и один из кузенов изъявил готовность выдать за него за муж одну из своих дочерей, когда он закончит учебу; деловые связи с фирмой затем откроют ему блестящие перспективы также и в его профессии. Этот план семьи породил в нем конфликт: что ему де-

---

¹ [Подробное обсуждение «выгоды от болезни» содержится в 24-й лекции по введению в психоанализ (1916—1917, *Studienausgabe*, т. 1, с. 371—373); особенно четко эта проблема излагается в примечании, добавленном в 1923 году к истории болезни «Доры» (1905e, *Studienausgabe*, т. 6, с. 118—119, прим.).]

лать — оставаться верным своей бедной возлюбленной или пойти по стопам отца и взять в жены красивую, богатую, знатную девушке, которая ему предназначена? И этот конфликт, который, собственно говоря, представлял собой конфликт между его любовью и продолжавшей оказывать свое влияние волей отца, он разрешил посредством заболевания, точнее сказать: благодаря заболеванию он избежал задачи решать его в реальности¹.

Доказательство правильности такого понимания заключается в том, что главным результатом его заболевания явилась затяжная потеря трудоспособности, которая позволила ему отложить окончание учебы на несколько лет. Но то, что является результатом болезни, и было ее намерением; кажущееся следствие болезни — на самом деле ее причина, мотив заболевания.

Мое объяснение, разумеется, вначале не нашло признания у больного: он не может представить себе, чтобы план женитьбы оказал такое воздействие, в свое время это не произвело на него ни малейшего впечатления. Однако в ходе дальнейшего лечения ему пришлось необычным способом убедиться в правильности моего предположения. Благодаря фантазии при переносе он пережил как нечто новое и относящееся к настоящему времени то, что им было забыто из прошлого или что им попросту не осознавалось. После смутного и трудного периода лечебной работы в конце концов выяснилось, что он принял за мою дочь одну молодую девушку, которую он как-то встретил на лестнице моего дома. Она вызвала его расположение, и он вообразил, что я так любезен и необычайно терпим с ним лишь потому, что хочу сделать его своим зятем, при этом благодаря ему богатство и знатность моего дома достигает уровня, соответствующего имевшемуся у него образцу. Но с этим искушением в нем борется неугасимая любовь к своей даме. После того как мы справились с целым рядом сильнейших сопротивлений и грубейших оскорблений, он не мог избежать убеждающего воздействия полной аналогии между представленным в фантазии переносом и тогдашней реальностью. Я приведу одно из его сновидений из этого времени, чтобы показать на деле тот стиль, каким он это изображал. *Он видит перед собой мою дочь, но вместо глаз у нее два грязных пятна*

---

¹ Следует подчеркнуть, что бегство в болезнь стало для него возможным благодаря идентификации с отцом. Она позволила ему совершить регрессию к остаткам детства. [См. ниже, раздел Ж. — Выражение «бегство в болезнь» Фрейд ранее уже употреблял в работе «Общие положения об истерическом припадке» (1909a, *Studienausgabe*, т. 6, с. 201).]

из нечистот. Для каждого, кто понимает язык сновидений, перевод не составит труда: он женится на моей дочери не из-за ее красивых глаз, а из-за ее денег.

Ж) Комплекс отца и разгадка идеи о крысах

От повода к болезни в зрелые года вела нить в детство нашего пациента. Он оказался в ситуации, в какой, как он знал или подозревал, находился отец перед своей женитьбой, и мог отождествить себя с отцом. Умерший отец оказался причастным к недавнему заболеванию еще и другим образом. В сущности, конфликт, приведший к болезни, представлял собой столкновение между продолжавшей оказывать свое действие волей отца и его собственными желаниями влюбленного человека. Если мы примем к сведению то, что рассказал пациент на первых сеансах лечения, то мы не сможем отделаться от подозрения, что это столкновение было очень древним и началось еще в детские годы больного.

По всем сведениям, отец нашего пациента был прекрасным человеком. До женитьбы он был унтер-офицером и в качестве остатка из этой части своей жизни сохранил солдатскую прямопу, а также пристрастие к крепким выражениям. Помимо добродетелей, которые обычно у каждого превозносятся на могильной плите, его отличали задушевный юмор и благожелательная терпимость к своим близким; разумеется, этой черте характера не противоречит, а скорее, является дополнением к ней, что он мог быть резким и вспыльчивым, что иной раз способствовало весьма ощутимым телесным наказаниям детей, пока они были маленькими и плохо себя вели. Когда дети выросли, он отличался от других отцов тем, что не хотел возвеличивать себя до неприкосновенного авторитета, а с добродушной открытостью делился с ними мелкими упущениями и неурядицами в своей жизни. Сын, несомненно, не преувеличивал, когда говорил, что они общались между собой как лучшие друзья, за исключением одного-единственного момента (ср. с. 54). Этот момент, пожалуй, должен быть важен, если мысль о смерти отца занимала малыша с такой необычной и неподобающей интенсивностью (с. 41), если такие мысли вновь проявились в содержании его детских навязчивых идей, если он мог пожелать, чтобы отец умер и тем самым некая девочка, испытывая сострадание, станет вести себя с ним более ласково (с. 52).

Нельзя сомневаться, что в области сексуальности между отцом и сыном что-то стояло и что отец находился в определенной оппозиции по отношению к рано пробудившейся эротике сына. Через несколько лет после смерти отца, когда сын впервые испытал ощущение удовольствия от коитуса, у него возникла мысль: «Как это замечательно; ради такого можно убить и своего отца!» Это было одновременно отголоском и разъяснением его детских навязчивых идей. Впрочем, незадолго до своей смерти отец открыто высказался против симпатии нашего пациента, которая станет доминировать впоследствии. Он заметил, что сын искал общества той дамы, и посоветовал ему держаться от нее подальше, сказав, что это неблагоразумно и что он только себя опозорит.

К этим совершенно надежным отправным точкам добавляется еще одна, если мы обратимся к истории онанистической сексуальной деятельности нашего пациента. В этой области существует пока еще не оцененное должным образом противоречие между взглядами врачей и больных. Последние едины в том, что онанизм, под которым они понимают мастурбацию в пубертате, является причиной и первоисточником всех их недугов; врачи в целом не знают, что им об этом думать, но под впечатлением того опыта, что очень многие люди, ставшие затем нормальными, какое-то время также онанировали в пубертате, в своем большинстве склонны расценивать сведения больных как грубое преувеличение. Я думаю, что также и в этом больные скорее правы, нежели врачи. У больных неясно вырисовывается здесь верное понимание, тогда как врачам грозит опасность проглядеть нечто существенное. Разумеется, дело не обстоит именно так, как сами больные понимают свой тезис, что онанизм в пубертате, который можно назвать чуть ли не типичным, ответственен за все невротические нарушения. Тезис требует истолкования. Ведь онанизм в пубертатном возрасте — в действительности не что иное, как возобновление детского онанизма, достигающего своей вершины в возрасте от трех до четырех-пяти лет, которому до сих пор никогда не уделяли должного внимания. Однако этот детский онанизм является самым отчетливым выражением сексуальной конституции ребенка, в которой также и мы ищем этиологию последующих неврозов. Стало быть, в таком облачении больные обвиняют, собственно говоря, свою инфантильную сексуальность, и в этом они полностью правы. Проблема онанизма, напротив, становится неразрешимой, если понимать онанизм как клиническую единицу, забывая, что

он представляет собой отвод самых разнообразных сексуальных компонентов и вскормленных ими фантазий. Вредность онанизма лишь в незначительной степени является автономной, обусловленной его собственной природой. По существу, она совпадает с патогенным значением сексуальной жизни в целом. Если так много индивидов без вреда переносят онанизм, то есть занятие онанизмом в определенном объеме, то этот факт свидетельствует только о том, что их сексуальная конституция и течение процессов развития в сексуальной жизни позволили им осуществлять эту функцию в культурных условиях¹, тогда как другие вследствие неблагоприятной сексуальной конституции или нарушенного развития заболевают из-за своей сексуальности, то есть не могут без торможений и замещающих образований исполнить требования подавления или сублимации сексуальных компонентов.

Онанистическое поведение нашего пациента было весьма необычным; он не занимался онанизмом в пубертате² и, стало быть, соответственно известным ожиданиям имел право на то, чтобы остаться избавленным от невроза. И наоборот, позыв к занятию онанизмом возник у него в 21 год *вскоре после смерти отца*. Каждый раз, когда он достигал удовлетворения, ему было очень стыдно, и вскоре он снова от него отказался. Отныне он занимался онанизмом лишь по редким и весьма странным поводам. «Его вызывали особенно прекрасные моменты, которые он переживал, или особенно прекрасные места в книге, которую он читал. Так, например, когда прекрасным летним вечером он слушал, как ямщик замечательно играл на рожке в центральной части города, пока полицейский не запретил ему это, потому что игра на рожке в городе запрещена! В другой раз, когда он прочитал в “Вымысле и правде” [III, 11], как молодой Гёте в порыве нежности избавился от проклятия, которая одна ревнивица наложила на ту, кто после нее поцелует его в губы. Он долго, словно суеверно, позволял этому проклятию себя сдерживать, но теперь он разорвал путы и нежно расцеловал свою возлюбленную».

Он немало удивлялся, что его влекло мастурбировать именно по таким прекрасным и возвышенным поводам. Но из этих двух примеров я должен был выделить в качестве общего момента запрет и неповиновение требованию.

¹ Ср. «Три очерка по теории сексуальности» (1905d) [особенно «Резюме» в конце работы (*Studienausgabe*, т. 5, с. 134–145)].

² [Или во всяком случае в весьма незначительной степени (см. выше, с. 38).]

К этой же взаимосвязи относилось также и его странное поведение в то время, когда он готовился к экзамену и обыгрывал полюбившуюся ему фантазию, что отец по-прежнему жив и в любой момент может вернуться [см. с. 49—50]. Тогда он обустроивал все таким образом, что его учеба приходилась на самые поздние ночные часы. Между двенадцатью и часом ночи он прерывался, открывал дверь, ведущую в сени, как будто там стоял его отец, а затем, вернувшись, рассматривал в зеркале прихожей свой обнаженный пенис. Это несуразное поведение становится понятным при условии, что он вел себя так, как будто ожидая прихода отца в полуночный час, когда являются духи. При его жизни он был, скорее, ленивым студентом, из-за чего отец часто сердился. Теперь, когда он возвращался в качестве духа и заставлял его за учебой, это должно было его порадовать. Но от другой части его поведения отец испытывать радость не мог; тем самым он, стало быть, ему противился и, таким образом, в одном непонятном навязчивом действии выражал обе стороны своего отношения к отцу, точно так же, как в более позднем навязчивом действии с камнем на дороге — отношение к любимой даме [с. 60].

Опираясь на эти и аналогичные проявления, я отважился на следующую конструкцию: ребенком, в шестилетнем возрасте, он совершил какое-то сексуальное прегрешение, связанное с онанизмом, и за это был ошутимо наказан отцом. Это наказание, правда, положило конец онанизму, но с другой стороны, оставило после себя неизгладимую неприязнь к отцу и навсегда зафиксировало его роль как помехи сексуальному наслаждению (Ср. аналогичные предположения на одном из первых сеансов, с. 55.) К моему великому удивлению, пациент сообщил, что о таком происшествии в ранние детские годы ему неоднократно рассказывала мать, и, очевидно, оно не было предано забвению потому, что с ним были связаны весьма странные вещи. Но сам он о нем ничего не помнит. Рассказ же был таков. Когда он еще был очень маленьким, — более точную дату можно было установить лишь благодаря совпадению со смертельной болезнью старшей сестры [см. с. 93] — он совершил что-то дурное, за что отец его выпорол. И тут карапуз пришел в страшную ярость и еще во время побоев стал поносить отца. Но так как бранных слов он еще не знал, то стал давать ему всякие названия предметов, которые ему приходили на ум: «Ты — лампа! Ты — полотенце! Ты — тарелка!» и т. д. Отец, потрясенный этой необузданной вспышкой ярости, прекратил побои и произнес: «Малыш станет либо ве-

ликим человеком, либо великим преступником¹». Он полагает, что эта сцена произвела неизгладимое впечатление как на него самого, так и на отца. Отец никогда его больше не бил; сам же он выводит некоторые изменения в своем характере из этого переживания. Из страха перед размерами своей ярости отныне он стал малодушным [ср. с. 57]. Впрочем, всю свою жизнь он ужасно боялся побоев и в ужасе и возмущении прятался, если наказывали его брата или сестру.

Новые расспросы матери подтвердили этот рассказ и, кроме того, были получены сведения, что тогда ему было три или четыре года и что он заслуживал наказания, потому что кого-то укусил. Других подробностей мать уже не помнила; весьма неуверенно она сказала, что человеком, пострадавшим от малыша, возможно, была воспитательница; о сексуальном характере проступка в ее сообщении речь не шла².

¹ Альтернатива была неполной. О самом частом исходе такой преждевременной пылкости, в неврозе, отец не подумал.

² В психоанализе нередко приходится иметь дело с такими событиями из первых лет жизни ребенка, в которых инфантильная сексуальная деятельность, по-видимому, достигает своей кульминации и зачастую завершается катастрофой вследствие несчастного случая или наказания. Они расплывчато проявляются в свидениях, часто становятся настолько отчетливыми, что ошибочно кажется, будто вот они, под рукой, но все же не поддаются окончательному прояснению, и если не вести себя с особой осторожностью и сноровкой, то так и не удастся решить, происходила ли подобная сцена в действительности. На правильный след при истолковании наводит тот факт, что в бессознательной фантазии пациента можно выискать несколько версий подобных сцен, зачастую очень разнообразных. Чтобы не ошибиться в оценке реальности, нужно прежде всего помнить о том, что «детские воспоминания» человека появляются только в более позднем возрасте (чаще всего в пубертатный период) и при этом они подвергаются сложному процессу переработки, который совершенно аналогичен созданию народом мифов о своей древней истории. Можно четко увидеть, что в этих образованиях фантазии о своем раннем детстве подрастающий человек *пытается стереть воспоминания о своей аутоэротической деятельности*, поднимая следы памяти на ступень объектной любви, то есть словно настоящий историкограф стремится увидеть прошлое в свете настоящего. Отсюда избыток соблазнений и посягательств в этих фантазиях, где действительность ограничивается аутоэротической деятельностью и побуждением к этому ласками и наказаниями. Затем становится ясно, что человек, фантазирующий о своем детстве, *сексуализирует свои воспоминания*, то есть связывает банальные события с сексуальной деятельностью, распространяет на них свои сексуальные интересы, при этом он, вероятно, идет по следам действительно имеющейся взаимосвязи. Каждый, кто помнит представленный мною «Анализ фобии пятилетнего мальчика» [(1909b), ср. *Studienausgabe*, т. 8, с. 89 и далее], поверит мне, что цель этих замечаний не заключается в том, чтобы задним числом дискредитировать утверждавшееся мною значение инфантильной сексуальности, сведя ее к сексуальному интересу в пубертатном возрасте. Я только намереваюсь дать технические указа-

Отсылая к обсуждению этой детской сцены в сноске, я добавлю, что благодаря ее появлению впервые было поколеблено его нежелание верить в гнев на любимого отца, приобретенный в доисторические времена и позднее ставший латентным. Разве что я ожидал более сильного воздействия, ибо об этом происшествии ему так часто рассказывали, в том числе и отец, что его реальность не подлежала сомнению. Но благодаря способности подминать логику, которая каждый раз крайне поражает нас у очень смысленных больных неврозом навязчивости, он снова и снова выставлял как довод против доказательной силы рассказа, что сам он все же ничего об этом не помнит. Таким образом, убеждение в том, что его отношение к отцу действительно требовало того бессознательного дополнения, ему пришлось обрести только болезненным путем переноса. Вскоре дело дошло до того, что в сновидениях, дневных фантазиях и мыслях он самыми грубыми и грязными ругательствами поносил меня

ния для разрешения тех образований фантазии, которые предназначены фальсифицировать картину инфантильной сексуальной деятельности.

Только в редких случаях, таких, как у нашего пациента, у нас имеется благоприятная возможность установить фактическую причину этих вымыслов о давнем времени благодаря непоколебимому свидетельству взрослого. Тем не менее высказывание матери оставляет открытым путь для разнообразных возможностей. То, что она не заявила о сексуальном характере проступка, за который был наказан ребенок, может объясняться ее собственной цензурой, которая у всех родителей стремится исключить из прошлого своих детей именно этот элемент. Но точно так же возможно, что тогда воспитательница или сама мать сделала нагоняй ребенку за банальный проступок несексуального характера, а затем он был наказан отцом за свою необузданную реакцию. В таких фантазиях воспитательница или другая прислуга обычно заменяется кем-то, кто по знатности ближе к матери. Если углубиться в истолкование соответствующих снов пациента, то обнаружатся самые отчетливые указания на вымысел, который можно назвать эпическим, где сексуальные вожеления, связанные с матерью и сестрой, и преждевременная смерть этой сестры объединены с наказанием отцом маленького героя. Мне не удалось нить за нитью допряхть эту ткань оболочек фантазии: именно терапевтический успех и послужил здесь препятствием. Пациент выздоровел, и жизнь потребовала от него взяться за решение разнообразных, и без того уже давно отсроченных задач, которые с продолжением лечения не сочетались. Поэтому я не упрекаю себя за этот пробел в анализе. Сегодня научное исследование посредством психоанализа является лишь побочным результатом терапевтических усилий, а потому зачастую наработки наиболее велики как раз в тех случаях, когда лечение оканчивалось неудачей.

Содержание детской сексуальной жизни состоит в аутоэротическом проявлении преобладающих сексуальных компонентов, в следах объективной любви и в образовании того комплекса, который можно было бы назвать *ядерным комплексом неврозов* и который охватывает первые нежные, а также враждебные побуждения по отношению к родителям, братьям и сестрам, после того как — чаще всего в результате появления нового братика или новой сестренки — пробудилась любознательность малыша. Однородностью этого содержания и постоян-

и моих близких, тогда как на уровне сознательного намерения относился ко мне лишь с величайшей почитательностью. Его поведение, когда он рассказывал об этих ругательствах, было поведением отчаявшегося человека. «Как вы можете, господин профессор, допускать, чтобы вас поносил такой мерзкий и приبلудный тип, как я? Вы должны спустить меня с лестницы; лучшего я не заслуживаю». При этих словах он обычно вставал с дивана и ходил по комнате, что поначалу объяснял деликатностью; он не может решиться говорить о таких ужасных вещах, удобно вытянувшись на диване. Но вскоре он сам нашел более убедительное объяснение, сказав, что избегает соседства со мной из страха оказаться побитым. Если он оставался сидеть, то вел себя как человек, который в отчаянном страхе хочет защитить себя от чрезмерного насилия; он защищал голову руками, прикрывал лицо ладонями, внезапно вскакивал с места с искаженным от боли лицом и т. д. Он вспомнил, что отец был вспыльчив и в своей горячности порою не знал, как далеко он пойдет. В такой школе страдания он постепенно приобрел недостающее ему убеждение, которое у любого другого, лично к этому непричастного, возникло бы, так сказать, само собой; но теперь также и путь к пониманию представления о крысах был свободен. Отныне на пике лечения стало доступным для воссоздания всех обстоя-

---

ством последующих модифицирующих воздействий легко объясняется то, что в целом всегда образуются одни и те же фантазии о детстве, независимо от того, сколь большой или сколь малый вклад внесло сюда действительное событие. Инфантильному ядерному комплексу вполне соответствует то, что отец наделяется ролью сексуального противника и помехи аутоэротическому проявлению сексуальности, и к этому во многом причастна действительность.

[На протяжении всей своей жизни Фрейд занимался проблемой различий между детскими воспоминаниями и детскими фантазиями. См., например, обсуждение «первичных фантазий» в 23-й лекции по введению в психоанализ (1916–1917, *Studienausgabe*, т. 1, с. 358–362) и в разделах V и VIII анализа «Волкова» (1918b, там же, т. 8, с. 174–177 и 208–210). Сомнения в верности детских воспоминаний он выразил еще в 1897 году в частной беседе с Флиссом, однако свои выводы опубликовал только в первой своей работе, посвященной сексуальности в этиологии неврозов (1906a, ср. *Studienausgabe*, т. 5, с. 152 и прим.). С другой стороны, в некоторых последних работах он категорически указывал на то, что в мифологических на первый взгляд фантазиях всегда все же содержится крупинка исторической правды. См., например, работу «Человек Моисей и монотеистическая религия» (1939a), III, II (Ж), *Studienausgabe*, т. 9, с. 574–575. — Термин «ядерный комплекс» Фрейд еще раньше использовал в работе «Об инфантильных сексуальных теориях» (1908c), однако в несколько другом смысле; выражение «эдипов комплекс» он ввел несколько позже, в первой из своих статей, посвященных психологии любовной жизни (1910h) — см. *Studienausgabe*, т. 5, с. 175 и прим. 1, а также с. 192 и прим. 2. Взаимосвязь двух этих терминов рассматривается в работе «“Ребенка бьют”», см. ниже, с. 254.]

тельств множество фактических сообщений, которые доселе утаивались.

При их изложении я, как уже говорил, буду как можно более кратким и только их подытожу. Первая загадка, очевидно, состояла в том, почему оба высказывания чешского капитана — рассказ о крысах [с. 43–44] и требование вернуть деньги лейтенанту А. [с. 45] — подействовали на него столь возбуждающе и вызвали столь бурные патологические реакции. Следовало предположить, что здесь имела место «чувствительность комплекса»¹, что теми речами оказались грубо задетыми сверхчувствительные места его бессознательного. Так оно и было; как и во всем, что касалось военных отношений, он бессознательно идентифицировался с отцом, который сам отслужил много лет [с. 68] и часто рассказывал о своей солдатской жизни. И тут случай, который может содействовать симптомообразованию, как и дословный текст — остроте, сделал возможным, что одна небольшая авантюра отца имела важный общий элемент с требованием капитана. Однажды отец (*заядлый игрок*²) проиграл в карты небольшую сумму денег, которой он располагал будучи унтер-офицером), и оказался бы в бедственном положении, если бы эту сумму ему не одолжил один его товарищ. Оставив военную службу и став зажиточным человеком, он попытался найти пришедшего на помощь товарища, чтобы вернуть ему деньги, но так и не смог нигде его отыскать. Наш пациент не был уверен, удалось ли тому вообще когда-либо вернуть этот долг; ему было неприятно вспоминать об этом грехе молодости отца, ведь его бессознательное было наполнено враждебными упреками, касавшимися характера отца. Слова капитана: «Ты должен вернуть обер-лейтенанту А. 3,80 кроны» — для него прозвучали как намек на тот неуплаченный долг отца.

Но сообщение о том, что девушка, служащая на почте в Ц., сама оплатила посылку, сказав при этом лестные для него слова [с. 48]³, усилило идентификацию с отцом также и в другом отношении. Те-

¹ [Термин, заимствованный у Юнга и его учеников, проводивших эксперименты со словесными ассоциациями (Jung, 1906). См. также ниже, с. 79.]

² [В немецком языке: «заядлый игрок» — «Spielratte», «крыса» — «Ratte». — *Примечание переводчика.*]

³ Не будем забывать, что он об этом узнал еще до того, как капитан (неправомерно) потребовал от него вернуть деньги обер-лейтенанту А. Это является безусловно необходимым пунктом для понимания, из-за вытеснения которого он вверг себя в страшнейшую путаницу, а я в течение долгого времени не мог понять общий смысл того, что происходило.

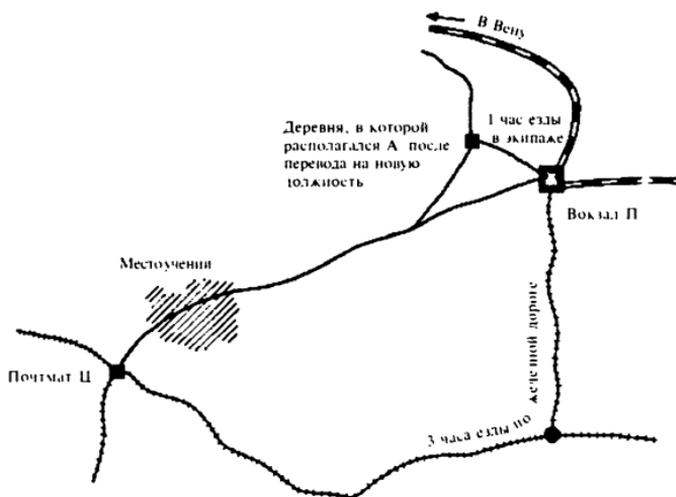
перь он добавил, что в небольшом местечке, где находилась также и почта, прелестная дочь трактирщика была очень любезной с элегантным молодым офицером, и поэтому он вознамерился вернуться туда по окончании маневров, чтобы испытать с этой девушкой свои шансы. Но теперь в лице юной почтовой служащей у нее появилась соперница; как и отец в своем супружеском романе [с. 66], он мог сомневаться, на кого из них ему обратить свою благосклонность по оставлении военной службы. Мы сразу замечаем, что его странная нерешительность, ехать ли ему в Вену или вернуться в местечко, где расположена почта, его постоянные искушения повернуть обратно (ср. с. 47) были не такими уж бессмысленными, какими могли показаться вначале. Для его сознательного мышления притягательность местечка Ц., где находилась почта, объяснялась потребностью с помощью обер-лейтенанта А. исполнить свою клятву. На самом же деле предметом его желания была молодая почтовая служащая, живущая в том же самом местечке, а обер-лейтенант был просто подходящей для нее заменой, поскольку останавливался¹ там же и сам отвечал за армейскую почту. Когда он затем услышал, что в тот день на почте дежурил не обер-лейтенант А., а другой офицер Б. [см. с. 45], он и его включил в свою комбинацию, а свои колебания между двумя благосклонно к нему расположенными девушками мог повторить в делириях, связанных с обоими офицерами².

При объяснении воздействий, вызванных рассказом капитана о крысах, мы должны придерживаться последовательности анализа. Вначале появилось изобилие ассоциативного материала, но ситуация образования навязчивости понятней от этого пока не стала. Представление о наказании, осуществляемом крысами, возбудило у него разнообразные влечения, пробудило множество воспоминаний, и поэтому за короткий промежуток времени между рассказом

¹ [Слово «останавливался» датируется 1924 годом: в более ранних изданиях здесь говорится «жил». См. следующее примечание.]

² [Дополнение, сделанное в 1923 году:] После того как пациент сделал все для того, чтобы запутать небольшую историю с возвратом денег за посылку с пенсне, также, наверное, и моему изложению не удалось ее сделать без остатка прозрачной. Поэтому я воспроизведу здесь небольшую карту, с помощью которой мистер и миссис Стрейчи хотели прояснить ситуацию в конце военных учений. [К сожалению, первоначальная схема, вошедшая в немецкие издания начиная с 1924 года, совершенно не согласуется с некоторыми деталями, упомянутыми при изложении случая. Поэтому для английского «Standard Edition» был подготовлен новый рисунок, который воспроизведен также и здесь. При этом также учитывается материал, содержащийся в оригинальных записях Фрейда (1955a) об этом случае.] Мои переводчики справедливо заметили, что поведение пациента

капитана и его напоминанием вернуть деньги крысы приобрели ряд символических значений, к которым впоследствии добавлялись все новые. Правда, мое сообщение обо всем этом окажется отнюдь не полным. Наказание крысами прежде всего взбудоражило анальную эротику, игравшую важную роль в его детстве и сохранявшуюся затем многие годы из-за раздражения, которое вызывали глисты. Таким образом, крысы приобрели значение «денег»¹, связь с которыми обнаружилась благодаря ассоциации «взносы» [Raten] и «крысы» [Ratten]. В своих навязчивых делириях он вводил настоящую крысиную валюту; например, когда я ответил ему на вопрос о стоимости одного сеанса лечения, для него, о чем я узнал полгода спустя, это прозвучало: «*Столько-то гульденов, столько-то крыс*». Постепенно на этот язык он перевел весь комплекс денежных интересов, которые были связаны с отцовским наследством, то есть через этот словесный мостик «взносы — крысы» все представления, относящиеся к этому комплексу, были включены в сферу навязчивостей и подчинены бессознательному. Кроме того, с помощью словесного мостика «заядлый игрок» [Spielratte], откуда можно было получить доступ к карточному проигрышу его отца, это денежное значение крыс опиралось на напоминание капитана вернуть стоимость посылки [см. с. 75].

по-прежнему останется непонятным, если специально не указать, что обер-лейтенант А. раньше жил в местечке Ц., где находится почтовое отделение, и там отвечал за военную почту, но что в последние дни учений сдал дела обер-лейтенанту Б. и был переведен в А. «Жестокий» капитан еще ничего не знал об этом изменении: отсюда его заблуждение, что деньги за посылку надо вернуть обер-лейтенанту А.

¹ Ср. «Характер и анальная эротика» (1908b) [выше, с. 25 и далее].

Но крыса была ему также известна как носитель опасных инфекций и поэтому могла использоваться как символ для страха перед *сифилитической инфекцией*, столь обоснованного в армии, за которым скрывались всякого рода сомнения в образе жизни отца во время военной службы. В другом смысле: носителем сифилитической инфекции был сам пенис, и, таким образом, крыса стала половым членом, на связь с которым она могла претендовать и иначе. Пенис, особенно пенис маленького ребенка, можно прямо описать как *червяка*, а в рассказе капитана крысы копошились в заднем проходе, словно большие круглые глисты, которые у нашего пациента были в детстве. Стало быть, значение пениса, которое имели крысы, опять-таки основывалось на анальной эротике. Кроме того, крыса — грязное животное, питающееся экскрементами и живущее в водостоках, по которым перемещаются нечистоты¹. Наверное, излишне указывать, насколько мог расширяться делирий, связанный с крысами, благодаря этому новому значению. Например, «Столько-то крыс — столько-то гульденов» могло послужить меткой характеристикой одного весьма ненавистного ему женского ремесла. С другой стороны, пожалуй, не может быть безразличным, что замена крысы пенисом в рассказе капитана воспроизводила ситуацию сношения *per anum*², которая в отношении к отцу и возлюбленной должна была ему показаться особенно отвратительной. Когда эта ситуация вновь возникла в навязчивой угрозе, оформившейся у него после требования капитана [с. 45], это, несомненно, напомнило об одном проклятии, употребительном у южных славян, дословный текст которого можно найти в «Anthropophyteia» [т. 2 (1905), с. 421 и далее], издаваемой Ф. С. Краусом. Впрочем, весь этот и другой материал вместе с покрывающей мыслью «жениться» [heiraten] оказался включенным в текстуру обсуждения крысиной тематики.

То, что рассказ о наказании крысами всколыхнул у нашего пациента все давно подавленные импульсы себялюбивой и сексуальной жестокости, подтверждается его собственным описанием и его мимикой при пересказе. И все же, несмотря на весь этот богатый материал, значение его навязчивой идеи не удавалось прояснить до тех пор, пока однажды у него не появилась мысль о *старухе-крысоловке* из «Маленького Эйолфа» Ибсена и не сделала неопровержи-

¹ Тому, кто, покачивая головой, хочет отвергнуть эти скачки невротической фантазии, следует напомнить об аналогичных капрично, в которых порой разражается фантазия художников, например, о *Diableries érotiques* Ле Пойтевина.

² [Через задний проход (лат.). — *Примечание переводчика.*]

мым вывод о том, что во многих его навязчивых делириях крысы означали еще и *детей*¹. Изучая происхождение этого нового значения, я сразу натолкнулся на самые ранние и самые важные источники. Однажды, придя на могилу отца, он увидел, как по могильному холму прошмыгнуло большое животное, которое он принял за крысу². Он предположил, что она появилось из самой могилы отца и только что поела его труп. С представлением о крысе неразрывно связано то, что она грызет и кусает острыми зубами³; но крысы не могут оставаться злыми, прожорливыми и грязными без наказания — их жестоко преследуют и безжалостно истребляют люди, как он сам не раз с ужасом наблюдал. Ему часто становилось жалко этих несчастных крыс. Но он и сам был таким же мерзким, грязным маленьким негодником, который мог в ярости покусать и которого за это страшно наказывали (ср. с. 72). Он действительно мог найти свое «полное сходство» с крысой⁴. Судьба, так сказать, предъявила ему в виде рассказа капитана стимульное слово для выявления комплекса [см. с. 75, прим. 1], и он не упустил возможности отреагировать на это навязчивой идеей.

Итак, крысы — в соответствии с самыми ранними и чреватými последствиями переживаниями — были детьми. И тут он сообщил некий факт, довольно долго исключавшийся им из общей взаимосвязи, но теперь полностью объяснявший интерес, который он, должно быть, испытывал к детям. Дама, которую он почитал столь долгие годы, но на которой все-таки не решался жениться, вследствие гинекологической операции, удаления обоих яичников, была обречена на бездетность; даже для него, необычайно любившего детей, это было главной причиной его колебаний.

---

¹ Старуха-крысоловка у Ибсена, несомненно, восходит к мифическому крысолову из Гаммельна, который сначала заманивает крыс в воду, а затем теми же средствами возвращает детей из ниоткуда. Также и маленький Эйолф под чарами старухи-крысоловки бросается в воду. В сказании крыса предстает не столько отвратительным, сколько зловещим, можно сказать, хтоническим животным и используется для изображения душ умерших.

² Одна из земляных ласок, которые так часто встречаются на Венском центральном кладбище.

³ «Но надо снять с порога заклинанье:

Его мне крыса отгрызет.

***

Довольно! Хорошо! Спасибо за старанье!» — говорит Мефистофель. [Гёте, «Фауст», 3-я сцена, перевод Н. Холодковского.]

⁴ Погреб Ауэрбаха. [Гёте, «Фауст», часть I, перевод Н. Холодковского:

Сравнил себя с распухшей крысой —

И полным сходством поражен.]

И только теперь появилась возможность понять необъяснимый процесс при образовании его навязчивой идеи; все это можно было осмысленно перевести с помощью инфантильных сексуальных теорий и символики, известной нам из толкования сновидений. Когда на дневном привале, во время которого он потерял свое пенсне, капитан рассказывал о наказании крысами, сначала его увлек лишь жестоко-сладострастный характер представленной ситуации. Но тут же возникла связь с той детской сценой, в которой он сам укусил кого-то; капитан, который мог выступить за подобные наказания, занял для него место отца и привлек к себе часть вернувшегося озлобления, возникшего тогда против жестокого отца. Промелькнувшую мысль, что нечто подобное может случиться с дорогим ему человеком, можно было бы перевести как желание-побуждение: «Чтоб с тобой сделали нечто подобное», — которое относится к рассказчику, но за ним уже и к отцу. Когда затем через полтора дня¹ капитан передает ему посылку, прибывшую наложенным платежом, и просит отдать 3 кроны 80 геллеров обер-лейтенанту А. [с. 45], он уже знает, что «жестокий начальник» заблуждается и что он должен вернуть долг никому иному, как юной почтовой служащей. Поэтому ему хочется дать язвительные ответы, например: «Да, конечно! Что еще придет тебе в голову?» или: «Черта-с два», или: «Черта лысого я верну ему деньги!» — ответы, произнести которые ему не пришлось. Но из-за взбудораженного тем временем отцовского комплекса и воспоминания о той инфантильной сцене у него сформировался ответ: «Да, я верну деньги А., когда у моего отца и моей возлюбленной появятся дети», или: «Столь же верно, как мой отец и дама могут иметь детей, я верну ему деньги». То есть язвительное заверение, основанное на невыполнимом абсурдном условии².

Но преступление было совершено, он оскорбил двух самых дорогих ему людей — отца и возлюбленную; это требовало наказания, и оно состояло в том, что он связал себя невыполнимой клятвой, которая означала полное повиновение необоснованному требова-

---

¹ Не в тот же вечер, как он рассказывал вначале. Совершенно невозможно, чтобы заказанное пенсне прибыло в этот же самый день. Он сокращает в воспоминании этот промежуток времени, потому что именно в нем установились решающие мыслительные взаимосвязи, а также потому, что он вытесняет пришедшую на него встречу с офицером, который рассказал ему о любезном поступке юной почтовой служащей [см. выше, с. 48].

² Стало быть, также и в речи навязчивого мышления абсурдность означает глумление, равно как и в сновидении. См. «Толкование сновидений» (1900a, глава VI (Ж) [*Studienausgabe*, т. 2, с. 429]).

нию начальника: «Теперь ты действительно должен вернуть деньги А.». В полном повиновении он вытеснил все свое знание, что напоминание капитана основано на ошибочном предположении: «Да, ты должен вернуть деньги А., как того потребовал заместитель отца. Отец ошибаться не может». Его величество тоже ошибаться не может, и если он назвал подданного не подобающим ему титулом, то он и впредь будет носить этот титул.

От этого процесса в его сознание попадают только смутные сведения, однако протест против требования капитана и резкий переход в противоположность представлены и в сознании. (Вначале: «Не отдавай деньги, иначе это [наказание крысами]¹ случится», а затем превращение в противоположную по содержанию клятву как наказание за протест [см. с. 45].)

Представим себе еще стечение обстоятельств, при которых образовалась большая навязчивая идея. Из-за долгого воздержания, а также радушного отношения, на которое мог рассчитывать молодой офицер у женщин, его либидо усилилось; кроме того, он отправился на военные учения, находясь в известной размолвке со своей дамой. Это усиление либидо сделало его склонным снова вступить в давнишнюю борьбу с авторитетом отца, и он осмелился помышлять о сексуальном удовлетворении с другими женщинами. Сомнение в уроке отца и размышления по поводу достоинств возлюбленной усилились; в таком расположении духа он позволил себе оскорбить их обоих, а затем за это себя наказал. Тем самым он воспроизвел давнюю модель. Когда потом после военных учений он так долго колеблется, ехать ему в Вену или остаться и выполнить клятву, то в этом он отображает оба конфликта, которые волновали его с давних пор, — должен ли он быть послушным отцу и оставаться верным возлюбленной².

Еще несколько слов об истолковании содержания санкции: «Иначе с обоими людьми осуществится наказание крысами». Она основывается на влиянии двух инфантильных сексуальных теорий, которые я разбираю в другом месте³. Первая из этих теорий сводит-

¹ [Квадратные скобки самого Фрейда.]

² Наверное, интересно будет подчеркнуть, что послушание отцу опять-таки совпадает с отдалением от дамы. Если он остается и возвращает деньги А., то этим кается перед отцом и одновременно оставляет даму, поддаваясь притягательной силе другого «магнита». Победа в этом конфликте остается за дамой, однако при поддержке человека с нормальным рассудком.

³ Ср. «Об инфантильных сексуальных теориях» (1908с) [Studienausgabe, т. 5, с. 179].

ся к тому, что дети появляются на свет из заднего прохода; вторая логически добавляет возможность того, что мужчины точно так же могут рожать детей, как и женщины. Согласно техническим правилам толкования сновидений, представление о появлении на свет из кишечника может изображаться его противоположностью: проникновением в кишечник (как при наказании крысами) — и наоборот.

Ожидать более простых решений для столь тяжелых навязчивых идей или решений другими средствами, пожалуй, было бы неоправданно. Вместе с решением, к которому мы пришли, делирий, связанный с крысами, был устранен.

II О ТЕОРИИ¹

А. Некоторые общие особенности навязчивых образований²

Данное мною в 1896 году определение навязчивых представлений: они являются «преобразованными, вернувшимися из вытеснения упреками, которые всегда относятся к доставившему удовольствие сексуальному действию, совершенному в детские годы»³, — сегодня мне кажется уязвимым по форме, хотя оно составлено из наилучших элементов. Оно чересчур стремилось к унифицированию и взяло в качестве образца процесс у самих больных неврозом навязчивости, которые с присущей для них склонностью к неопределенности мешают в одну кучу самые разнообразные психические образования в качестве «навязчивых представлений»⁴. На самом деле корректнее говорить о «навязчивом мышлении», подчеркнув, что навязчивые образования могут иметь значение самых разнообразных психических актов. Их можно определять как желания, искушения, импульсы, размышления, сомнения, приказания и запреты. В целом больные стремятся ослабить эту определенность и приводят в качестве навязчивого представления содержание, лишённое своего аффективного индекса. Пример такой трактовки желания, которое было низведено до простой «мыслительной связи», наш пациент предоставил нам на одном из первых сеансов (с. 52).

¹ [Этот подзаголовок был добавлен только в 1924 году.]

² Различные пункты, которые обсуждаются здесь и в следующем разделе, уже были упомянуты в литературе, посвященной неврозам навязчивости, как это видно из основательного научного труда, в котором рассматривается эта форма болезни, — опубликованной в 1904 году книги Л. Лёвенфельда «Психические навязчивые явления».

³ «Еще несколько замечаний о защитных невропсихозах» [1896b, в начале раздела II].

⁴ Этот недостаток определения исправляется в самой статье. В ней говорится: «Возвращенные к жизни воспоминания и образованные из них упреки никогда, однако, не попадают в сознание в неизменном виде; то, что осознается как навязчивое представление и навязчивый аффект, замещает патогенное воспоминание для сознательной жизни, — это *компромиссные образования* между вытесненными и вытесняющими представлениями». Следовательно, в определении необходимо сделать особый акцент на слове «преобразованные».

Необходимо также вскоре признать, что до сих пор еще ни разу не удалось должным образом оценить феноменологию навязчивого мышления. Во вторичной защитной борьбе, которую больной ведет с проникшими в его сознание «навязчивыми представлениями», возникают образования, заслуживающие особого обозначения. Вспомним, к примеру, о веренице мыслей, которые занимали нашего пациента на обратном пути с военных учений. Это не чисто разумные рассуждения, которые противопоставляются навязчивым мыслям, а, так сказать, помеси между двумя видами мыслей, они включают в себя определенные предпосылки навязчивости, с которой борются, и помешаются (средствами разума) на почву болезненного мышления. На мой взгляд, такие образования заслуживают названия «*делирии*». Это различие пояснит пример, который я прошу вставить на свое место в истории болезни. Когда во время своей учебы наш пациент предавался описанному сумасбродному поведению: работал до поздней ночи, затем открывал духу отца двери и после этого разглядывал в зеркале свои гениталии (с. 71), — он пытался образумить себя, спрашивая, что бы сказал отец, будь он действительно жив. Но данный аргумент не имел никакого успеха, пока приводился в этой разумной форме; призрак исчез лишь после того, как он преобразовал ту же самую мысль в дилирозную угрозу: если он еще раз совершит эту бессмыслицу, на том свете случится беда с отцом.

Значение, несомненно, правомерного различия между первичной и вторичной защитной борьбой неожиданным образом ограничивается тем выявленным обстоятельством, что *больные сами не знают точной формулировки своих собственных навязчивых представлений*. Это звучит парадоксально, но имеет свой смысл. В ходе психоанализа набирается смелости не только пациент, но и, так сказать, его болезнь; она отваживается выразаться яснее. Если отказаться от образного описания, то происходит следующее: больной, который прежде в ужасе отказывался воспринимать свои болезненные продукты, теперь уделяет им свое внимание и узнает их отчетливее и детальнее¹.

---

¹ У иных больных отвлечение внимания заходит так далеко, что они вообще не могут указать содержание навязчивого представления или описать навязчивое действие, которое совершалось ими множество раз. [Ср. аналогичные замечания Фрейда о фобиях, а также замечания, приведенные при анализе «маленького Ганса» (1909b, *Studienausgabe*, т. 8, с. 105–106).]

Кроме того, более точное знание о навязчивых образованиях можно получить двумя особыми способами. Во-первых, опыт показывает, что сновидения могут привести непосредственный текст навязчивого требования и т. п., который в бодрствовании был известен лишь в исковерканном и обезображенном виде, как в искаженной депеше. Эти тексты появляются в сновидении в виде *высказываний*, вопреки тому правилу, что высказывания в сновидении происходят от того, что говорилось днем¹. Во-вторых, аналитически прослеживая историю болезни, зачастую убеждаешься в том, что многие следующие друг за другом, но не совпадающие по своей точной формулировке навязчивые представления все же по существу оказываются одними и теми же. Первый раз от навязчивого представления удалось удачно отбиться, но в другой раз оно возвращается в искаженной форме, не распознается и, возможно, вследствие своего искажения может успешнее отстоять себя в защитной борьбе. Но первоначальная форма является настоящей, и зачастую она позволяет распознать свой смысл совершенно открыто. После того как с большим трудом удалось прояснить непонятную навязчивую идею, нередко от больного можно услышать, что мысли, желания, искушения, такие, как сконструированные, действительно когда-то возникали до появления навязчивой идеи, но не сохранились в памяти. Примеры этого из истории нашего пациента, к сожалению, оказались бы чересчур обстоятельными.

Стало быть, то что официально обозначается как «навязчивое представление», в своем искажении по сравнению с первоначальной формулировкой содержит в себе следы первичной защитной борьбы. Его искажение делает его теперь жизнеспособным, ибо сознательное мышление вынуждено неправильно его понимать, как содержание сновидения, которое само является продуктом компромисса и искажения и в дальнейшем неправильно понимается бодрствующим мышлением².

Неверное понимание со стороны сознательного мышления можно доказать не только в случае самих навязчивых идей, но и в отношении продуктов вторичной защитной борьбы, например, защитных формул. Здесь я могу привести два хороших примера. Наш

---

¹ Ср. «Толкование сновидений» (1900a, глава VI (E) [*Studienausgabe*, т. 2, с. 406 и далее]). [Данный случай истории болезни «Крысина» в связи с вышеупомянутым феноменом затрагивается в примечании, добавленном в 1909 году в главе VI (A) «Толкования сновидений», там же, с. 304, прим. 2.]

² [Ср. «Толкование сновидений», глава VI (I), *Studienausgabe*, т. 2, с. 480–481.]

пациент употреблял в качестве защитной формулы быстро произносимое *aber* («но»), которое сопровождалось отрицающим движением рукой. Затем однажды он рассказал, что в последнее время эта формула изменилась; он говорит уже не *aber*, а *abér*. На вопрос о причине этого новшества, он сообщил, что безудачное *e* второго слога не дает ему гарантии от внушающего страх вмешательства чего-то чуждого и противоположного, и поэтому он решил делать акцент на *e*. Это объяснение, полностью выдержанное в стиле невроза навязчивости, все же оказалось неудовлетворительным, в лучшем случае оно могло претендовать на значение рационализации; на самом деле *abér* уподоблялось *Abwehr* («защита») — термину, который он знал из наших теоретических бесед о психоанализе. Стало быть, лечение произвольным и делириозным образом использовалось для усиления защитной формулы. В другой раз он рассказал мне о своем главном волшебном слове, которое он составил для защиты от всевозможных искушений из начальных букв всех самых благодетельных молитв и снабдил добавленным «аминь» (*Amen*). Я не могу привести само слово по причинам, которые сейчас станут понятными¹. Услышав его, я вынужден был заметить, что оно скорее было анаграммой имени его почитаемой дамы; в этом имени имелась буква *s*, которую он поместил в конце, непосредственно перед добавленным *Amen*. Следовательно, мы вправе сказать: он свел вместе свое семя (*Samen*) с возлюбленной, то есть онанировал в воображении с ее персоной. Но сам он эту напрашивающуюся взаимосвязь не замечал; защита позволила вытесненному себя одурачить. Впрочем, это является хорошей иллюстрацией тезиса, что со временем то, от чего защищаются, регулярно создает себе доступ к тому, с чьей помощью от него защищаются.

Если мы утверждаем, что навязчивые мысли подвергаются искажению, подобно мыслям сновидения, до того как они становятся содержанием сна, то нам может быть интересна техника этого искажения, и ничего не мешает приложить ее разнообразные средства к ряду переведенных и понятых навязчивых идей. Но также из этого, соблюдая условия публикации, я могу показать лишь отдельные образцы. Не все навязчивые идеи нашего пациента были построены столь сложным образом и были такими трудными для раскрытия, как главное представление о крысах. При других использова-

---

¹ [Как следует из оригинальных записей (1955a), это слово звучало «Glejsamen» (или «Glejsamen»). Даму звали Гизела.]

лась очень простая техника, искажение с помощью пропуска — *эллипсис*, — которая прекрасно используется в остроте, но также и здесь исполняла свой долг как средство защиты от понимания.

К примеру, одна из его самых давних и излюбленных навязчивых идей (имевшая значение напоминания или предостережения) гласила: «*Если я женюсь на даме, то с отцом (на том свете) случится беда*». Если мы вставим пропущенные и известные из анализа промежуточные элементы, то ход мыслей будет таков: «Если бы отец был жив, то из-за моего намерения жениться на даме он разъярился бы точно так же, как тогда в детской сцене; я снова на него разозлился бы и пожелал бы ему зла, а по причине всемогущества¹ моих желаний это непременно бы сбылось».

Или другой пример эллиптического решения, точно так же имеющий характер предостережения или аскетического запрета. У него была славная маленькая племянница, которую он очень любил. Однажды у него возникла идея: «*Если ты позволишь себе коитус, то с Эллой случится несчастье (она умрет)*». Со вставкой пропущенного: «Каждый раз во время коитуса, даже с посторонней женщиной, ты все же должен думать о том, что от половых сношений в твоём браке ребенок никогда не появится (бесплодие его возлюбленной). Ты будешь так огорчен, что станешь с завистью смотреть на маленькую Эллу и пожелаешь, чтобы у сестры не было ребенка. Эти чувства зависти повлекут за собой его смерть»².

По всей видимости, эллиптический прием искажения типичен для невроза навязчивости; я с ним сталкивался в навязчивых мыслях и других пациентов. Особенно прозрачным и интересным благодаря определенному сходству со структурой представления о крысах был случай сомнения у одной дамы, страдавшей в основном от навязчивых действий. Она прогуливалась со своим мужем по Нюрнбергу и попросила его зайти вместе с ней в магазин, где купи-

¹ Об этом «всемогуществе» см. ниже, с. 92.

² О применении техники пропуска в случае остроты я хочу напомнить с помощью нескольких примеров, которые я заимствую из одного моего труда. («Острота и ее отношение к бессознательному», 1905c, *Studienausgabe*, т. 4, с. 75.) «В Вене живет остроумный и воинственный писатель, который за резкость своих обвинительных выступлений не раз подвергался побоям со стороны тех, кого он изобличал. Однажды, когда обсуждалось новое прегрешение одного из его вечных противников, кто-то сказал: “*Если Х это услышит, он снова получит пощечину*”... Бессмыслица исчезает, когда заполняют пробел: “*Тогда он напишет такую язвительную статью о данном человеке, что... и т. д.*”» [Упомянутым «Х» был Карл Краус.] — Эта эллиптическая острота обнаруживает также содержательное соответствие с вышеприведенным первым примером.

ла для своего ребенка разные вещи, в том числе и гребень. Муж, для которого выбор покупок чересчур затянулся, сказал, что по пути в магазин видел у одного антиквара монеты, которые он хочет приобрести; после покупки он зайдет за ней в магазин. Но по ее оценке он отсутствовал слишком долго. Когда он вернулся и на вопрос, где же он задержался, ответил: «Как раз у того антиквара», — у нее в тот же момент возникло мучительное сомнение, не обладала ли она уже с давних пор купленным для ребенка гребнем. Разумеется, простую взаимосвязь она не могла обнаружить. Мы не можем объяснить это сомнение иначе как смещенное и конструируем все бессознательные мысли следующим образом: «Если верно, что ты был только у антиквара, если я должна в это верить, то тогда я точно так же могу поверить, что уже с давних пор обладаю этим только что купленным гребнем». Стало быть, язвительное, насмешливое сопоставление, похожее на мысль нашего пациента [с. 80]: «Столь же верно, как они оба (отец и дама) могут иметь детей, я верну А. деньги». У дамы сомнение было связано с бессознательной ревностью, ибо она предположила, что ее муж использовал промежуток времени, чтобы нанести любовный визит.

На этот раз я не возьмусь за психологическую оценку навязчивого мышления. Она принесла бы чрезвычайно ценные результаты и способствовала бы нашему пониманию сущности сознательного и бессознательного больше, чем изучение истерии и гипнотических явлений. Было бы крайне желательно, чтобы философы и психологи, которые понаслышке или исходя из своих общепринятых определений развивают остроумные учения о бессознательном, получили сначала важнейшее впечатление от явлений навязчивого мышления; этого можно было бы чуть ли не требовать, не будь такой способ работы гораздо более трудоемким, чем тот, что освоен ими. Я здесь только еще сообщу, что иногда при неврозе навязчивости бессознательные душевные процессы пробиваются в сознание в самой чистой, неискаженной форме, что прорыв может происходить на самых разных стадиях бессознательного мыслительного процесса и что в моменты прорыва навязчивые представления чаще всего распознаются как давно существующие образования. Отсюда бросающее в глаза явление, что больной неврозом навязчивости, когда вместе с ним пытаются отыскать момент, когда навязчивая идея возникла впервые, в ходе анализа вынужден отодвигать его все дальше назад, находит для нее все новые первые поводы.

Б. Некоторые психические особенности больных неврозом навязчивости — их отношение к реальности, к суевериям и к смерти

Я должен здесь рассмотреть некоторые душевные свойства больных неврозом навязчивости, которые сами по себе не кажутся важными, но лежат на пути к пониманию чего-то более важного. У моего пациента они были очень отчетливо выражены; я знаю, однако, что их следует отнести на счет не его индивидуальности, а его недуга и что совершенно типичным образом они обнаруживаются и у других больных неврозом навязчивости.

Наш пациент был весьма суеверен, несмотря на то, что был высокообразованным, просвещенным и весьма сообразительным человеком и порою мог заверять, что во всю эту ерунду несколько не верит. То есть он был суеверным и в то же время им не был и явно отличался от необразованных суеверных людей, которые ощущают себя единым целым со своей верой. Казалось, он понимает, что его суеверие связано с его навязчивым мышлением, хотя иногда он целиком ему предавался. Такое противоречивое и неустойчивое поведение можно проще всего понять под углом зрения одной определенной гипотезы. Я могу без колебаний предположить, что относительно этих вещей у него имелись два разных и противоположных убеждения, а не одно, скажем, пока еще окончательно не сформировавшееся суждение. Он колебался между двумя этими мнениями в самой явной зависимости от своего прочего отношения к болезни. Как только он брал верх над одной навязчивостью, он потешался над своей легковерностью, и с ним не случалось ничего, что могло бы его поколебать, но как только он оказывался во власти неразрешенной навязчивости — или что равноценно: сопротивления, — с ним происходили самые странные вещи, приходившие на помощь легковерному убеждению.

Тем не менее его суеверие было суеверием образованного человека, и он обходился без такой чепухи, как страх пятницы, числа «13» и т. п. Но он верил в предзнаменования, в пророческие сны, постоянно встречал тех людей, о которых по необъяснимым причинам только что думал, и получал письма от корреспондентов, которые после длительных перерывов вдруг всплывали у него в памяти. При этом он был довольно правдив или, скорее, верен своему официальному убеждению и не забывал случаи, в которых его самые сильные предчувствия не оправдывались, как, например, в том

случае, когда, однажды отправившись летом отдыхать загород, он был абсолютно уверен, что живым в Вену он уже не вернется. Он также признался, что большинство предзнаменований касалось вещей, не имевших особого значения для его персоны, и что, когда он встречал знакомого, которого очень давно не вспоминал, но о котором незадолго до этого думал, между ним и этим чудесным образом увиденным человеком затем ничего не происходило. Разумеется, он не мог отрицать, что все важное в его жизни случалось без предзнаменований, в том числе, например, смерть отца, заставшая его врасплох. Но все подобные аргументы ничего не меняли в разногласии убеждений нашего пациента и доказывали лишь навязчивый характер его суеверий, о котором можно было судить уже по их колебаниям, совпадавшим с сопротивлением.

Разумеется, я не мог рационально объяснить все его давние чудесные истории, но что касается аналогичных вещей, случавшихся во время лечения, мне удалось ему доказать, что он сам постоянно участвовал в фабрикации чудес, и продемонстрировать, какие средства он при этом использовал. Он пользовался периферическим зрением и чтением, забыванием и прежде всего обманами памяти. В конце он сам помогал мне выявлять небольшие трюки, благодаря которым совершались те чудеса. В качестве любопытного инфантильного источника его веры в исполнение предчувствий и предсказаний однажды выявилось воспоминание о том, как мать очень часто, когда нужно было выбрать определенную дату, говорила: «В такой-то и такой-то день я не смогу; должно быть, я слягу». И действительно, в объявленный день она всякий раз лежала в постели!

Несомненно, он испытывал потребность находить в переживании такие точки опоры для своих суеверий, поэтому обращал такое внимание на известные необъяснимые случайности в обыденной жизни и бессознательным поведением помогал там, где их не хватало. Эту потребность я обнаружил у многих других больных неврозом навязчивости и подозреваю ее еще у нескольких. Мне кажется, что это хорошо объясняется психологическими особенностями невроза навязчивости. Как я уже отмечал (с. 64), при этом расстройстве вытеснение осуществляется не с помощью амнезии, а путем разрыва причинных взаимосвязей вследствие лишения аффекта. Повидимому, у этих вытесненных связей сохраняется известная напоминающая о себе сила — которую я в другом месте сравнил с эндопсихическим восприятием¹, — поэтому посредством про-

¹ «Психопатология обыденной жизни» (1901b), глава XII, раздел В (б). [Тему суеверия Фрейд затем обсуждает в своей более поздней работе «Жуткое» (1919h).]

екции они переносятся во внешний мир и там свидетельствуют о том, что не состоялось в психическом.

Другая общая для больных неврозом навязчивости душевная потребность, имеющая известное родство с только что упомянутой, прослеживание которой ведет глубоко в исследование влечений, — это потребность в *неопределенности* в жизни или потребность в *сомнении*. Создание неопределенности — один из методов, которые применяет невроз, чтобы отвлечь больного от *реальности* и изолировать его от мира, что, впрочем, заложено в тенденции любого психоневротического нарушения. Опять-таки ясно, как много больные делают для того, чтобы избежать определенности и иметь возможность предаваться сомнению; более того, у некоторых эта тенденция находит яркое выражение в их нелюбви к часам, которые позволяют хотя бы определить время, и в их бессознательно осуществляемых уловках обезвредить любой инструмент, исключая такой сомнение. Наш пациент развил особое умение избегать сведений, которые способствовали бы принятию решения в его конфликте. Так, он не был осведомлен, как обстояли дела у его возлюбленной, имевшие решающее значение для заключения брака, якобы не мог сказать, кто ее оперировал, и какая это была операция — односторонняя или двусторонняя. Он не торопился вспоминать забытое и разузнавать то, чему не было уделено внимание.

Пристрастие больных неврозом навязчивости к неопределенности и сомнению становится для них мотивом, чтобы фиксировать свои мысли преимущественно на тех темах, где неопределенность — явление общечеловеческое, а наши знания и суждения неизбежно остаются подверженными сомнению. Такими темами прежде всего являются: происхождение по отцу, продолжительность жизни, жизнь после смерти и память, которой мы обычно верим, не имея ни малейшей гарантии ее надежности¹.

---

¹ Лихтенберг: «Населена ли Луна, — об этом астроном знает примерно с той же уверенностью, с какой он знает, кто был его отец, но не с той, откуда он знает, кто была его мать». — Явилось огромным культурным прогрессом, когда наряду со свидетельством органов чувств люди решились делать выводы и перейти от материнского права к отцовскому. — Дисторические фигуры, у которых маленький персонаж сидит на голове более крупного, изображают происхождение от отца: лишенная матери Афина возникает из головы Зевса. Даже в нашем языке *свидетель* [Zeuge], который удостоверяет что-либо перед судом, называется в соответствии с мужским участием в деле продолжения рода [Zeugung — зачатие], и еще в иероглифах слово «свидетель» передается через изображение мужских гениталий.

Невроз навязчивости самым обильным образом пользуется надежностью памяти для симптомообразования: какую роль в мышлении больных играют вопросы о продолжительности жизни и поустороннем мире, мы вскоре узнаем. В качестве самого подходящего перехода я прежде хочу еще обсудить ту черту в суеверии нашего пациента, упоминание о которой несколько раньше (с. 87), несомненно, вызвала недоумение у многих читателей.

Я имею в виду утверждавшееся им *всемогушество* своих мыслей и чувств, добрых и дурных желаний. Искушение объявить эту идею бредом, выходящим за рамки невроза навязчивости, несомненно, нельзя назвать незначительным; однако точно такое же убеждение я обнаружил и у другого больного неврозом навязчивости, который давно уже выздоровел и ведет нормальную жизнь. Собственно говоря, все больные неврозом навязчивости ведут себя так, словно разделяют подобное убеждение. Нашей задачей будет — прояснить эту переоценку. Предположим сразу, что в этой вере открыто заявляет о себе часть старой детской мании величия, и спросим нашего пациента, на чем он основывает свое убеждение. Он отвечает, ссылаясь на два события. Когда он во второй раз приехал в ту водолечебницу, где впервые и единожды за все время его состояние улучшилось [ср. с. 38], он снова попросил ту самую комнату, которая благодаря своему расположению способствовала его общению с одной из сиделок. Он получает ответ: комната уже занята одним пожилым профессором, — и реагирует на это известие, значительно снизившее его шансы на излечение, недобрыми словами: «Чтоб его за это паралич разбил». Через две недели ночью он вдруг проснулся, обеспокоенный представлением о трупe, а утром услышал, что у профессора действительно случился удар и что его принесли в комнату примерно в то же время, когда он проснулся¹. Второе событие было связано с одной уже немолодой, очень нуждавшейся в любви женщиной, которая весьма любезно вела себя с ним, а однажды прямо спросила, сможет ли он ее полюбить. Он дал отрицательный ответ; через несколько дней он узнал, что женщина выбросилась из окна. Он стал себя упрекать и сказал себе, что в его власти было спасти ее жизнь, если бы подарил ей свою любовь. Таким образом он приобрел убеждение о всемогушестве своей любви и своей ненависти. Не отрицая всемогушества любви, мы хотим подчеркнуть, что в обоих

¹ [Этот эпизод Фрейд затем приводит и обсуждает в своей работе «Жуткое» (*Studienausgabe*, т. 4, с. 262–263).]

случаях речь идет о смерти, и присоединимся к напрашивающемуся объяснению, что наш пациент, как и другие больные неврозом навязчивости, вынужден переоценивать воздействие своих враждебных чувств во внешнем мире, поскольку значительная часть внутреннего психического воздействия этих чувств его осознанному знанию была недоступна. Его любовь — или, скорее, его ненависть — действительно чрезвычайно сильны; именно они создают те навязчивые мысли, происхождение которых он не понимает и от которых безуспешно защищается¹.

К теме смерти наш пациент имел совершенно особое отношение. Каждый раз, когда кто-нибудь умирал, он проявлял искреннее сочувствие, с благоговением участвовал в похоронах, из-за чего братья и сестры в насмешку его называли «стервятником»; но также и в фантазии он постоянно убивал людей, чтобы выразить искреннее сочувствие близким родственникам покойника. Смерть старшей сестры, когда ему было примерно три с половиной года [см. с. 71], играла в его фантазиях важную роль и самым тесным образом связалась с детскими проступками тех лет. Кроме того, мы знаем, в сколь раннем возрасте его стала занимать мысль о смерти отца, и можем трактовать само его заболевание как реакцию на это событие, которого пятнадцать лет назад он навязчиво желал. Странное распространение его навязчивых опасений на «потусторонний мир» есть не что иное, как компенсация за эти желания смерти отцу. Оно произошло через полтора года, когда снова усилилась печаль по умершему отцу, и должно было, вопреки реальности и ради желания, до этого проявлявшегося во всевозможных фантазиях, упразднить смерть отца². В нескольких местах (с. 84 и 86–87) мы научились переводить добавление «на том свете» словами «если бы мой отец был еще жив».

---

¹ [Дополнение, сделанное в 1923 году:] С тех пор было установлено, что всемогущество мыслей, вернее, желаний, является важной частью примитивной душевной жизни. (См. «Тотем и табу», 1912–1913 [Третья статья, раздел 3, *Studienausgabe*, т. 9, с. 374–378]; в этой книге невроз навязчивости обсуждается во многих местах, в частности в разделах 2 и 3 (в), второй статьи (там же, с. 318–326, 347–348, 350–351) и в разделе 3 третьей статьи (там же, с. 374–376).)

² [Использование больными неврозом навязчивости защитных механизмов «отмены» и «изоляции» (см. ниже, с. 198–199 и с. 101) Фрейд обсуждает в главе VI работы «Торможение. симптом и тревога» (1926d, *Studienausgabe*, т. 6, с. 263–266); психология невроза навязчивости рассматривается в этой работе во многих местах.]

Но почти точно так же, как наш пациент, ведут себя и другие больные неврозом навязчивости, которым судьба не уготовила первую встречу с феноменом смерти в столь раннем возрасте. Их мысли непрерывно заняты вопросами о продолжительности жизни и возможности смерти других людей, их склонность к суеверию вначале не нашла другого содержания и, возможно, другого происхождения вообще не имеет. Но мысль о возможности смерти им нужна прежде всего для решения конфликтов, которые они оставили неразрешенными. Важная черта их характера состоит в том, что они не способны принимать решения, особенно в любовных делах; они стремятся отложить любое решение и, пребывая в сомнении, кого им избрать или какие принять меры против того или иного человека, берут в качестве образца старый имперский верховный суд, процессы которого обычно заканчивались до вынесения судебного приговора из-за смерти спорящих сторон. Таким образом, в любом жизненном конфликте они ожидают смерти важного для себя, чаще всего любимого, человека, будь то кто-либо из родителей, соперник или один из объектов любви, между которыми колеблется их симпатия. Вместе с тем такой оценкой комплекса смерти при неврозе навязчивости мы затрагиваем жизнь влечений этих больных, которую теперь мы рассмотрим подробнее.

В. Жизнь влечений и происхождение навязчивости и сомнений

Если мы хотим прийти к пониманию психических сил, взаимодействие которых создало этот невроз, то будем должны вернуться к тому, что узнали от нашего пациента о поводах к его заболеванию в зрелом возрасте и в детстве. Он заболел, когда ему было за двадцать, столкнувшись с искушением жениться на другой девушке, а не на своей давней возлюбленной. Он избегал решения этого конфликта, откладывая все действия, необходимые для его подготовки, и средства для этого ему предоставил невроз. Колебания между возлюбленной и другой девушкой можно свести к конфликту между влиянием отца и любовью к даме, то есть к конфликтному выбору между отцом и сексуальным объектом, который, если судить по воспоминаниям и навязчивым мыслям нашего пациента, существовал еще в раннем детстве. Кроме того, в отношении своей возлюбленной и отца у него, несомненно, всю жизнь существовал конфликт между циничной любовью и ненавистью. Фантазии о ме-

сти и навязчивые явления, такие, как навязчивое стремление к пониманию или манипулирование с камнем на проселочной дороге [с. 60], свидетельствуют об этом его душевном разладе, который до известной степени был естественен и понятен, ибо возлюбленная сначала отказом [с. 63], а затем своей холодностью дала повод к появлению у него враждебных чувств. Но точно такая же двойственность чувств, как мы узнали благодаря переводу его навязчивых мыслей, определяла его отношения с отцом, и отец тоже должен был дать ему в детские годы повод к враждебности, что мы чуть ли не с полной уверенностью сумели установить. Его отношение к возлюбленной, представлявшее собой смесь нежности и враждебности, большей частью попадало в его сознательное восприятие. Разве что он заблуждался относительно степени и выражения негативных чувств. И наоборот, враждебность к отцу, которая когда-то была совершенно осознанной, давно исчезла из поля зрения и могла быть возвращена в сознание, только преодолев сильнейшее сопротивление пациента. В вытеснении инфантильной ненависти к отцу мы усматриваем тот процесс, который повлек за собой все последующие события в рамках невроза.

Перечисленные по отдельности конфликты чувств у нашего пациента не являются независимыми друг от друга — они попарно друг с другом спаяны. Ненависть к возлюбленной добавляется к привязанности к отцу и наоборот. Но два конфликтных течения, остающихся после этого упрощения, — антагонизм между отцом и возлюбленной и противоположность любви и ненависти в каждом отдельном отношении — как содержательно, так и генетически никак между собой не связаны. Первый из двух конфликтов соответствует обычному колебанию между мужчиной и женщиной как объектами любовного выбора, который впервые приходится делать ребенку, отвечая на всем известный вопрос: «Кого ты любишь больше: папу или маму?» — и который затем сопровождает его всю жизнь, несмотря на все различия в интенсивности ощущений и в фиксации окончательных сексуальных целей. Разве что обычно эта противоположность вскоре утрачивает характер острого противоречия, непреклонного «или-или»: создается пространство для неодинаковых притязаний обеих сторон, хотя также и у нормального человека уважение одного пола всякий раз подчеркивается обесцениванием противоположного.

Более странным нам кажется другой конфликт — конфликт между любовью и ненавистью. Мы знаем, что зарождающаяся любовь зачастую воспринимается как ненависть, что любовь, которой

отказано в удовлетворении, легко обращается в ненависть, и слышим от поэтов, что на бурных стадиях влюбленности оба противоположных чувства какое-то время могут существовать рядом друг с другом, словно соперничая между собой. Однако хроническое сосуществование любви и ненависти к одному и тому же человеку, двух в высшей степени интенсивных чувств, вызывает у нас удивление. Мы могли бы ожидать, что большая любовь давно победила бы ненависть или была бы ею истощена. На самом деле такое дальнейшее существование противоположностей возможно только при особых психологических условиях и при содействии бессознательного состояния. Любовь не смогла уничтожить ненависть, а лишь оттеснила ее в бессознательное, а в бессознательном, будучи защищенной от уничтожения под воздействием сознания, ненависть может сохраняться и даже усиливаться. Обычно при таких обстоятельствах сознательная любовь реактивным образом достигает особенно большой интенсивности, тем самым становясь способной справляться с постоянно возложенной на нее работой — удерживать своего противника в вытеснении. По-видимому, условием этого странного стечения обстоятельств в любовной жизни является очень раннее, произошедшее в доисторические детские годы разделение обеих противоположностей с вытеснением одного компонента, обычно ненависти¹.

Если рассмотреть несколько анализов больных неврозом навязчивости, то сложится впечатление, что такое поведение любви и ненависти, как у нашего пациента, относится к наиболее часто встречающимся, наиболее выраженным, а потому, наверное, к наиболее важным особенностям невроза навязчивости. Но как бы ни было заманчиво свести проблему «выбора невроза»² к жизни влечений, все же имеется достаточно оснований, чтобы этого искушения избежать, и необходимо себе сказать, что при любом неврозе в качестве носителей симптомов мы выявляем одни и те же подавленные влечения. Ведь ненависть, которую подавляет и удерживает в бессознательном любовь, играет также важную роль в патогенезе исте-

¹ Ср. рассуждения по этому поводу на одном из первых сеансов [выше, с. 53–54]. — [Дополнение, сделанное в 1923 году:] Для этой констелляции чувств Блейлер [1910] дал подходящее наименование «амбивалентность». Впрочем, ср. продолжение рассуждений на эту тему в статье «Предрасположение к неврозу навязчивости» (1913) [см. с. 109 и далее в данном томе].

² [Этой проблемой Фрейд занимался с давних пор и неоднократно к ней возвращался, см. «Предварительные замечания издателей» к работе «Предрасположение к неврозу навязчивости», ниже, с. 107–108, а также саму эту работу, с. 109 и далее.]

рии и паранойи. Мы слишком мало знаем о сущности любви, чтобы прийти к определенному выводу; в частности, совершенно не ясно отношение ее *негативного фактора*¹ к садистскому компоненту либидо. Поэтому, когда мы говорим: «В рассмотренных случаях бессознательной ненависти садистские компоненты любви были конституционально особенно сильно развиты, из-за этого подверглись преждевременному и слишком основательному подавлению и, стало быть, наблюдаемые феномены невроза происходят, с одной стороны, от реактивно усиленной сознательной нежности, с другой стороны, от садизма, продолжающего действовать в бессознательном в виде ненависти», — это имеет ценность предварительной информации.

Но как бы мы ни понимали эти удивительные отношения любви и ненависти, их наличие благодаря наблюдению за нашим пациентом оказывается вне всяких сомнений, и отрадно видеть, насколько легко теперь нам понять загадочные процессы невроза навязчивости, связав их с этим моментом. Если интенсивной любви противостоит, связывая ее, почти такая же сильная ненависть, то ближайшим следствием должен быть частичный паралич воли, неспособность принимать решения во всех действиях, для которых любовь должна быть побуждающим мотивом. Но нерешительность недолго ограничивается одной группой действий. Ибо, во-первых, какие действия любящего человека не связаны с его основным мотивом? Во-вторых, сексуальное поведение обладает властью образца, по которому оно преобразует остальные реакции человека, и, в-третьих, психологическая особенность невроза навязчивости состоит в том, что он широко пользуется механизмом *смещения*. Таким образом, неспособность принимать решения постепенно распространяется на все поведение человека.

Отсюда господство *навязчивостей и сомнений*, которые встречаются нам в душевной жизни больного неврозом навязчивости. Сомнение соответствует внутреннему восприятию нерешительности, которая вследствие торможения любви ненавистью овладевает больным при любом намеренном действии. По существу именно сомнение в любви субъективно и должно быть самым надежным, которое

---

¹ «Мне часто хочется, чтобы его не было больше среди живых. Но если бы такое сбылось, я знаю, что стал бы еще во много крат несчастнее, столь беззащитен я перед ним», — говорит Алкибиад о Сократе в «Пире». [Некоторые более поздние воззрения Фрейдера на эту тему можно изложить на последних страницах работы «Влечения и их судьбы» (1915c; *Studienausgabe*, т. 3, с. 90–102) и в главе IV работы «Я и Оно» (1923b).]

диффундирует во все остальное и преимущественно смешается на самые индифферентные мелочи¹. Кто сомневается в своей любви, может, должен сомневаться и во всем остальном, менее значительном².

Это то же сомнение, которое при защитных мерах ведет к неопределенности и непрерывному повторению, чтобы устранить неопределенность, и в конце концов оно приводит к тому, что эти защитные действия становятся такими же неосуществимыми, как и первоначально заторможенное решение в любви. В начале моих исследований¹ мне пришлось предположить другое, более общее происхождение неуверенности у больных неврозом навязчивости, которое, казалось, ближе прилегает к норме. Если, к примеру, при написании письма другой человек мне помешал, задав какой-то вопрос, то после этого я ощущаю оправданную неуверенность по поводу того, что из-за помехи чего-то не написал, и для надежности я вынужден еще раз прочесть письмо после того, как оно было готово. Я мог также думать, что неуверенность больных неврозом навязчивости, например во время их молений, происходит оттого, что в деятельность, связанную с чтением молитв, у них непрерывно в качестве помех вмешивались бессознательные фантазии. Эта гипотеза была верной, и вместе с тем ее легко можно примирить с нашим прежним утверждением. Действительно, неуверенность в осуществлении защитной меры происходит от мешающих бессознательных фантазий, но эти фантазии содержат противоположный импульс, от которого приходилось защищаться как раз при помощи молитвы. Это отчетливо проявляется у нашего пациента, когда помеха не остается бессознательной, а дает о себе знать открыто. Когда во время молитвы он хочет произнести: «*Боже, храни ее!*», — внезапно из бессознательного прорывается враждебное «*не*», и он догадывается, что это — начало проклятия (с. 62). Если бы это «не» осталось без-

¹ Ср. изображение с помощью мелочи в качестве технического приема остроты. [«Острота и ее отношение к бессознательному» (1905c), глава II, *Studienausgabe*, т. 4, с. 77–78). См. также «Навязчивые действия и религиозные отправления» (1907b), выше, с. 20. Фрейд высказался по этому пункту еще раз, а именно в конце своей работы «Вытеснение» (1915d), *Studienausgabe*, т. 3, с. 117.]

² Любовные стихи Гамлета Офелии (акт II, 2-я сцена):

Не верь, что солнце ясно,
 Что звезды — рой огней,
 Что правда лгать не властна,
 Но верь любви моей.

(Перевод М. Лозинского.)

³ [В ранней работе «Obsessions et phobies» (1895c).]

молвным, то он также оказался бы в состоянии неуверенности и все снова и снова продлевал бы свою молитву; после того как оно прозвучало, он в конце концов отказался от молитвы. Но прежде чем это сделать, он, как и все больные неврозом навязчивости, испробовал всевозможные методы, чтобы воспрепятствовать вмешательству противоположности, — сокращение молитвы, ускоренное ее проговаривание; другие стараются каждое такое защитное действие тщательно «*изолировать*»¹ от остального. Однако все эти технические приемы никакой долговременной пользы не приносят; если любовный импульс, сместившись на незначительное действие, сумел чего-то добиться, то за ним вскоре последует враждебный импульс и уничтожит весь его труд.

Обнаружив затем слабое место в обеспечении нашей душевной жизни, ненадежность памяти, с его помощью больной неврозом навязчивости может распространить сомнение на все, даже на совершенные уже действия, которые пока еще не находились в связи с комплексом любви и ненависти, и на все прошлое. Я напому пример той женщины, которая только что в магазине купила гребень для своей маленькой дочери и, заподозрив своего мужа, начала сомневаться, не обладала ли она уже этим гребнем давно [с. 87–88]. Не говорит ли эта женщина напрямую: «Раз я могу усомниться в твоей любви (а это было всего лишь проекцией ее сомнений в собственной любви к нему), то я могу усомниться также во всем», — и не выдает ли она этим нашему пониманию скрытый смысл невротического сомнения?²

Однако *навязчивость* — это попытка компенсации сомнения и коррекции невыносимых состояний торможения, о которых свидетельствует сомнение. Если с помощью смещения в конце концов удастся довести до решения какое-либо из заторможенных намерений, то оно *должно* осуществиться; правда, оно уже не будет первоначальным, но запруженная в нем энергия уже не сможет отказаться от возможности найти для себя отвод в замещающем действии. Таким образом, она проявляется в повелениях и запретах, когда то нежный, то враждебный импульс завоевывает этот путь к отводу. Напряжение, когда навязчивое повеление не может быть выполнено, становится невыносимым и воспринимается как сильнейшая

¹ [См. прим. 2 на с. 93, выше.]

² [Некоторые замечания о другом механизме сомнения при истерии содержатся в начале раздела I истории болезни «Доры» (1905e, *Studienausgabe*, т. 6, с. 95–96). О сомнении в связи со сновидениями см. «Толкование сновидений» (1900a), глава VII (A) (*Studienausgabe*, т. 2, с. 494 и далее).]

тревога. Но сам путь к сместившемуся на мелочь замещающему действию столь бурно оспаривается, что оно, как правило, может осуществиться лишь как защитная мера, самым тесным образом смыкающаяся с импульсом, от которого требуется защититься.

В результате своего рода *регрессии* место окончательного решения занимают подготовительные действия, мышление заменяет действие, и вместо замещающего действия с навязчивой силой утверждается та или иная мыслительная предварительная ступень поступка. В зависимости от того, насколько выражена эта регрессия от действия к мышлению, случай невроза навязчивости приобретает характер навязчивого мышления (навязчивого представления) или навязчивого действия в узком смысле слова. Однако эти настоящие навязчивые действия становятся возможными лишь потому, что в них в виде компромиссных образований произошло своего рода примирение двух борющихся между собой импульсов. Навязчивые действия все больше приближаются — причем чем дольше длится недуг, тем отчетливее — к инфантильным сексуальным действиям по типу онанизма. Таким образом, при этой форме невроза все же совершаются любовные действия, но только при помощи новой регрессии; они уже не относятся к другому человеку, объекту любви и ненависти, а являются аутоэротическими, как в детстве.

Регрессии первого вида — от действия к мышлению — благоприятствует другой фактор, участвующий в возникновении невроза. В историях больных неврозом навязчивости регулярно встречается раннее проявление и преждевременное вытеснение сексуального влечения к разглядыванию и знанию, которое и у нашего пациента отчасти управляет его инфантильной сексуальной деятельностью [с. 39 и далее]¹.

Мы уже упоминали значение садистских компонентов для генеза невроза навязчивости; там, где влечение к знанию преобладает в конституции больного неврозом навязчивости, главным симптомом невроза становится резонерство. Сексуализируется сам мыслительный процесс, поскольку сексуальное удовольствие, которое обычно относится к содержанию мышления, обращается на сам мыслительный акт, а удовлетворение, получаемое при достижении умозаключения, ощущается как сексуальное удовлетворение. Это отношение влечения к знанию к мыслительным процессам делает его особенно пригодным в различных формах невроза навязчивос-

¹ [С этим, вероятно, также связана в среднем поистине большая интеллектуальная одаренность больных неврозом навязчивости.]

ти, в которых оно присутствует, энергию, тщетно пытающуюся пробиться к действию, привлекать к мышлению, где предоставляется возможность приятного удовлетворения другого рода. Таким образом, при помощи влечения к знанию замещающее действие далее может смениться подготовительными мыслительными актами. Но отсрочка в действии вскоре находит свою замену в виде промедления в мыслях, и весь процесс, сохраняя все свои особенности, в конечном счете переводится в новую область, подобно тому, как американцы способны «*move*»¹ дом.

Теперь я бы позволил себе, опираясь на вышеприведенные рассуждения, определить давно искомую психологическую особенность, которая придает продуктам невроза навязчивости свойство «навязчивости». Навязчивыми становятся такие мыслительные процессы, которые (вследствие встречного торможения на моторном конце мыслительной системы) совершаются с затратами энергии, обычно предназначенными — как в количественном отношении, так и в качественном отношении — только для действия, то есть такие *мысли, которые должны регрессивно замещать поступки*. Наверное, не встретит возражения гипотеза, что обычно в силу экономических причин мышление имеет дело с меньшими смещениями энергии (вероятно, на более высоком уровне [катексиса]), чем действия, предназначенные для отвода или для изменения внешнего мира².

То, что в виде навязчивой мысли с чрезмерной силой пробилось в сознание, должно теперь застраховаться от усилий сознания его устранить. Мы уже знаем, что эта защита обеспечивается *искажением*, которому навязчивая мысль подверглась до своего осознания. Но это не единственное средство. Кроме того, отдельная навязчивая идея редко упускает возможность исчезнуть из ситуации своего возникновения, в которой, несмотря на искажение, понять ее было бы проще всего. С этой целью, с одной стороны, *вставляет интервал* между патогенной ситуацией и последующей навязчивой идеей, который сбивает с толку каузальные исследования сознательного мышления³; с другой стороны, содержание навязчивой идеи выводится из его особых условий путем *обобщения*.

¹ [От английского «*move*» — передвинуть, переместить. — *Примечание переводчика.*]

² [Последнее утверждение Фрейд выдвинул еще раньше в главе VII (Д) «Толкования сновидений» (*Studienausgabe*, т. 2, с. 569). Затем он его повторил в работе «Положения о двух принципах психического события» (1911b).]

³ [Процесс «изоляции». См. прим. 2, с. 93. выше.]

Пример этого наш пациент дает в «навязчивом понимании» (с. 60); пожалуй, еще лучший — другая больная, которая запрещала себе носить какие-либо украшения, хотя поводом к этому послужило одно-единственное украшение, из-за которого она завидовала матери и которое, как она надеялась, когда-нибудь достанется ей по наследству. Наконец, защите навязчивой идеи от сознательной работы по ее устранению служит еще неопределенность или двусмысленность выбранной формулировки, если мы хотим ее отделить от единообразного искажения. Эта неверно понятая формулировка может теперь войти в делирии, и последующие усовершенствования или замены навязчивости будут опираться на неправильное понимание, а не на действительный текст. И все же можно наблюдать, что эти делирии стремятся образовывать все новые связи с содержанием и точным текстом навязчивости, не воспринятыми в сознательном мышлении.

Я хотел бы еще раз вернуться к жизни влечений больных неврозом навязчивости, чтобы сделать одно-единственное замечание. Наш пациент оказался также *человеком, имевшим хороший нюх*, который, по его утверждению, в детстве, словно собака, узнавал любого человека по запаху и которому еще и сегодня обонятельные восприятия говорили больше, чем другим людям¹. Нечто подобное я обнаруживал и у других невротиков, у больных неврозом навязчивости и у истериков, и приучил себя принимать во внимание роль в генезе неврозов удовольствия от обоняния, которое исчезает в детстве². В целом я хотел бы поставить вопрос, не является ли снижение обоняния, ставшее неизбежным из-за отдаления человека от земли, и этим обусловленное органическое вытеснение удовольствия от обоняния главными слагаемыми его предрасположенности к невротическим заболеваниям. Тогда стало бы понятно, что в восходящей культуре именно сексуальная жизнь должна быть принесена в жертву вытеснению. Ведь мы давно уже знаем, сколь тесная связь возникла в животной организации между сексуальным влечением и функцией органа обоняния³.

¹ Я добавлю, что в его детские годы господствовали ярко выраженные копрофиллические наклонности. С этим связана уже отмечавшаяся анальная эротика (с. 77 [выше]).

² Например, при известных формах фетишизма. [Этот пункт подробнее обсуждается Фрейдом в примечании, добавленном в 1910 году к первому из трех очерков по теории сексуальности (1905d: *Studienausgabe*, т. 5, с. 65, прим. 2). — Относительно совершенно иного аспекта фетишизма см. работу Фрейда на эту тему (1927e), *Studienausgabe*, т. 3, с. 383 и далее.]

³ [К этой теме Фрейд еще раз вернулся намного позднее, а именно в главе IV работы «Недомогание культуры» (1930a), *Studienausgabe*, т. 9, с. 229–230, прим. и с. 235–236, прим. 2.]

В завершение этой работы я хочу выразить надежду, что мои во всех смыслах неполные сообщения по меньшей мере дадут стимул другим, углубившись в исследование невроза навязчивости, выявить нечто большее. Характерное в этом неврозе, то, что отличает его от истерии, на мой взгляд, следует искать не в жизни влечений, а в психологических условиях. Я не могу оставить своего пациента, не выразив впечатления, что он словно распался на три личности; я бы сказал: на бессознательную и на две предсознательные, между которыми могло колебаться его сознание. Его бессознательное охватывало побуждения, подавленные в раннем детстве, которые можно охарактеризовать как страстные и недобрые; в своем нормальном состоянии он был добрым, жизнерадостным, уверенным в себе, умным и свободомыслящим, но в своей третьей психической организации он предавался суеверию и аскетизму, и поэтому он мог иметь два убеждения и отстаивать двоякого рода мировоззрения. Эта предсознательная личность содержала преимущественно реактивные образования в ответ на свои вытесненные желания, и нетрудно было предвидеть, что при дальнейшем сохранении болезни она истошила бы нормальную личность. В настоящее время у меня есть возможность исследовать одну даму, тяжело страдающую от навязчивых действий, которая аналогичным образом распалась на терпимую, жизнерадостную и на необычайно мрачную, аскетическую личность. Первую она выдвигает вперед в качестве своего официального Я, в то время как находится во власти последней. Обе психические организации имеют доступ к ее сознанию, и за аскетической личностью можно выявить совершенно неизвестное ей бессознательное ее существа, состоящее из древних, давно вытесненных импульсов желаний¹.

---

¹ [Дополнение, сделанное в 1923 году:] Пациент, которому приведенный анализ вернул психическое здоровье, как и многие другие ценные и полные надежд молодые люди, погиб в великой войне.